

Сергей Панченко

ЧЁРНЫЙ СПЕКТР 2

ИДДК

Черный спектр

Сергей Панченко

Черный спектр. Книга 2

«ИДДК»

2022

Панченко С. А.

Черный спектр. Книга 2 / С. А. Панченко — «ИДДК»,
2022 — (Черный спектр)

"Черный спектр" – фантастический роман Сергея Панченко, вторая книга одноименного цикла, жанр постапокалипсис, боевая фантастика. Прошло больше десяти лет после событий первой книги. Мир изменился кардинально, и в первую очередь человеческое общество, расколовшееся на два лагеря. Необращенное большинство, не поддавшееся влиянию "черного спектра" и обращенное меньшинство, обладающее иммунитетом и смертельно опасными особенностями для человеческого большинства. Первые, из страха и неспособности свободно жить в новом мире, подчинили вторых, превратив их в покорных рабов. Содержит нецензурную брань.

© Панченко С. А., 2022

© ИДДК, 2022

Сергей Панченко

Черный спектр. Книга 2

Возрастные ограничения 18+

© Панченко Сергей

© ИДДК

Глава 1

Славка жил на невольничьем рынке четвертый год и считался ветераном. Его нередко ставили бригадиром над командами ровесников, работающих в поле или же на каком-нибудь разборе здания, за что периодически ему перепадала увеличенная пайка от администрации рынка. Унизительная перед остальными заключенными добавка, от которой он не мог отказаться.

Всего на территории рынка жило под тысячу человек. Как рассказывали необращенные старожилы, до катастрофы вместо рынка располагалось автохозяйство, обслуживающее автобусами городские маршруты. Для Славки, рожденного после появления черного спектра, понятия «автобус» и «городской маршрут» ни о чем не говорили. Для него это место ассоциировалось с непосильным трудом от зари до зари, болью и унижениями.

Люди боялись заключенных рынка. В каждом из них таилась непостижимая необращенная сила, способная уничтожить их одним взглядом. Так называемый «черный спектр», излучение, внезапно накрывшее планету, породил новый тип людей, на которых он не просто не действовал, а проявлял себя через них. Выглядело это как симбиоз волновой и обычной жизненных форм. Кто-то считал обращенных новым типом людей, приспособившихся к новой реальности, но большинство просто боялось и старалось оградить себя от этого страха.

Ни одна семья не была застрахована от рождения ребенка с необычными способностями и потому начавшееся было истребление обращенных детей свелось к более гуманному способу, их стали эксплуатировать в местах, где существование необращенного человека почти невозможно. На невольничьем рынке проживало не меньше сотни человек с выжженными глазами. Это те, кто нечаянно или специально вызвал своим взглядом страх, окончившийся исчезновением. Как правило, за одного исчезнувшего выжигали глаза, за двух и более грозила безальтернативная смертная казнь.

Славка уже привык смотреть в землю, отчего осанка у него сделалась сутулой. Вообще любого заключенного можно было различить сразу по характерной осанке и поникшей голове. Славка боялся взрослеть, зная, что жизнь взрослого еще унизительнее. Он вообще не видел ни одного обращенного старше двадцати. Ходили слухи, что их просто убивают, чтобы не допустить возможности организации сопротивления. А еще он слышал, что существуют какие-то места, в которые необращенному ни за что не попасть, и в них свободно живут такие же люди, как и он и остальные заключенные рынка. Это могли быть просто слухи, в них хотелось верить, чтобы надежда давала сил, если бы не странный голос, который он иногда слышал в минуты расслабленного состояния.

Этот голос раздавался в голове сквозь шум помех, как в древнем радиоприемнике, откуда администрация слушала новости из своего мигрирующего места жительства, накрытого безопасным куполом, через который не проникало излучение черного спектра. Голос что-то говорил о местах, где новые люди смогут жить спокойно, не подвергаясь насилию. Славка долго считал, что это результат его воображения, пока не доверился слепому другу Илье, повторившему слово в слово то же, что слышал он сам. Из-за потери зрения Илья научился погружаться в состояние легкого транса, так он слышал голос намного отчетливее. И еще он научился видеть

мир, но не так, как глазами, а ощущать его вибрации. Этого было достаточно, чтобы не втыкаться в стены и обходить препятствия. Илья просил никому не говорить об этой особенности, чтобы не напугать администрацию, которая будет не в восторге от его новых способностей.

Славка родился спустя десять лет после события, изменившего мир. Для него все истории о том, как люди жили раньше, были сказкой, в которую сложно поверить. Если бы только не останки той цивилизации, чье применение сейчас становилось все меньше. Многое непонятное из прошлой жизни постепенно погибало, разрушалось, зарастало лесами, разбиралось на стройматериалы. Он еще помнил высокие дома, видневшиеся с невольничьего рынка. За четыре года, что он здесь прожил, их разрушили и растащили для строительства в безопасных зонах. Необращенные напоминали Славке тараканов, напуганных, суетливых, прячущихся и вредных своей жалкой сущностью. Он мог ходить где угодно, не испытывая дискомфорта, а необращенные только под защитой излучателей. В случае их поломки они мгновенно превращались в паникующих до безумия существ, теряющих над собой контроль, за что черный спектр по праву забирал их себе.

Когда Славка еще жил с матерью, она рассказывала ему, что излучение из года в год скачкообразно усиливалось. Последний скачок случился за несколько лет до его рождения. Ему предшествовала вспышка, озарившая небосвод, а потом, все, кто находился вне безопасных зон, разом исчезли. Человечество еще раз сократилось. Из хорошего, по ее словам, случилось только то, что затевавшиеся военные конфликты разом сошли на нет. Большая часть активного мужского населения, занятая в подготовке к военным действиям, исчезла, оставив после себя груды оружия.

После последнего скачка усиления излучения количество рождений обращенных детей так же скачкообразно увеличилось. Начавшаяся инквизиция против них благодаря действиям родителей, намеренных защищать своих детей, закончилась компромиссом. До десяти лет такие дети жили в отдельных местах с родителями, а потом отправлялись на невольничьи рынки. В таком возрасте они становились опасными и для родителей. Славка не видел свою мать уже два года. Слышал, что она снова родила, и на этот раз его братик оказался нормальным.

– Эй, Славарь, готовь команду. – В барак, в котором сидел Славка, зашел Трипод, бригадир над бригадами.

Из-за одноногой подставки, которую он всегда носил с собой и на которую любил опираться задницу, его и прозвали Триподом.

– Для чего? – поинтересовался Славка.

– Жареный сказал, что хочет прокатиться по полям, – сухо пояснил начальник.

Жареным звали куратора рынка, а прозвище ему досталось по фамилии, то ли Жарков, то ли Жаркой. Мерзкий толстячок с плеткой, ею он любил охаживать спины тех, кто тащил его экипаж. В то время, когда подавляющая часть людей, даже необращенных, имела проблемы с недостатком веса, упитанность Жареного воспринималась, как пощечина всем худым. Он обожал делать вид, что находится при деле, будучи совершенно бесполезной единицей. Зачем его держали на этой должности, Славке было непонятно.

Для перевозки отъездившей задницы использовали старый легковой автомобиль. Из него для облегчения веса вынули двигатель и коробку. Из генератора, работающего от аккумулятора и вращающихся колес, активировался защитный зонтик. Конструкция считалась надежной, потому Жареный так любил раскатывать в этом экипаже, делая вид, что ему интересен фронт работ.

Славка отправился собирать команду, четверых человек. Кто-то из них надеялся сегодня отдохнуть и набраться сил, но, видно, не суждено.

– Васька, Пятак, Морда и Жора, на выход! – скомандовал он жестким голосом.

– Ай, что там еще? – произнес Пятак недовольно, потому что Славка его разбудил.

– Жареный хочет посмотреть поля, – коротко объяснил он суть вопроса.

– Пусть идет и смотрит. – Пятак перевернулся на другой бок, демонстрируя нежелание просыпаться.

– Блин! – Славка осмотрелся, увидел у чьей-то кровати ремень, схватил его и врезал по заднице Пятаку. – Подъем, блин, на работу!

Пятак соскочил и принялся бегать вокруг кровати, держась за горящие ягодицы.

– А ты чего сразу лупишь, как трус?

Обращенные часто называли необращенных трусами, подразумевая их перманентное состояние испуга вне безопасных зон.

– Я не трус, просто не люблю, когда мои приказы игнорируют. Вы подчиняетесь мне, а не трусам. Живо собирайтесь на работу.

Названные им приятели через пять минут стояли у «гаража», навеса, под которым находились три автомобиля, оборудованных для езды в человеческой упряжке. Славка надел на себя кожаный жилет, защищающий от натирания тела капроновым тросом. Остальная команда сделала то же самое. По их лицам было видно, что на сегодняшний день они строили совсем другие планы.

– Ничего, откатаем этого жирняка и будем свободны весь день, – пообещал Славка неуверенно.

– Ты сколько раз обещал и ни разу не исполнил, – упрекнул его Васька.

– От меня ничего не зависит. Если бы я распоряжался нашим лагерем, вы бы все лежали в кроватях сутками, а вместо вас работали трусы.

– Трусы работать не смогут, потому что исчезнут. Тут без вариантов, – меланхолично заявил Жора, самый интеллектуальный «конь» в упряжке.

– Тише ты! – шикнул на него Славка.

Любые разговоры на тему сопротивления необращенным воспринимались администрацией рынка со всей серьезностью. За подобные разговоры можно было залететь на гауптвахту, на которой пришлось бы работать еще больше за меньшую пайку, да еще и получать плеткой по спине по поводу и без.

Все четверо товарищей впряглись в лямки. Славка зацепил пустую легковушку и сел за руль, чтобы доехать до управы, где их ждал Жареный.

– Поехали! – выкрикнул бригадир.

Мальчишки синхронно дернулись вперед и бесшумно покатали машину. Славке нравилась техника, которой раньше пользовались люди. Конечно, сейчас она не могла показать все, на что способна, но даже то, что осталось, внушало ему уважение. В ней было много деталей, красивое оформление интерьера, ручки, кнопки, крутилки, вертелки, удобные сиденья. Снаружи машины сильно поржавели, но внутри выглядели еще неплохо. Конкретно у этого экземпляра вместо родного железного днища, прогнившего насквозь, соорудили деревянная рама. Машину после реставрации перекрасили заново, чтобы дерево не бросалось в глаза. «Ценители» не желали, чтобы в глаза бросались колхозные переделки.

Экипаж подкатился к управе, двухэтажному зданию, отделанному мелкой декоративной плиткой. Славка еще не успел выбраться, а к ним уже спешил куратор с портативным зонтиком. Мальчишки быстро натянули на глаза повязки из полупрозрачной ткани.

– В землю! – приказал он опустить головы вниз. – Не напердел тут мне? – Скорчив брезгливую физиономию, Жареный принялся к салону. – Вонючие гады.

Куратор вынул из непременно сопровождаемой его сумки из натуральной кожи стеклянный пузырек с настоянной на спирту смесью ароматных трав и древесины. Прижал наполовину пальцем горлышко и подул, чтобы вызвать мелкодисперсную струю для освежения запаха салона. Ароматное облако окутало машину и донеслось до носов мальчишек. Так пахло неравноправие. Они воняли потом, а трусы источали аромат духов.

Довольный результатом, куратор забрался в салон, на водительское место.

– Эй, как тебя! – куратор позвал Славку.

– Вячеслав, – ответил мелкий бригадир.

– Ох, ты посмотри, Вячеслав. Может, мне еще местами с тобой поменяться?

Славка хотел бы на это посмотреть.

– Я не подумав. Славка я.

– Так-то лучше, Славка. Короче, план такой, едем на пшеничное поле, потом картофельное, потом кукурузное. Завернем к реке и проверим брод.

– Там дорога крутая, тяжело тащить машину вверх, – напомнил ему Славка.

– Поной мне, урод. Поташите, устанете, отдохнете. Нам нужно узнать, насколько обмелела река. Вам-то не надо о будущем думать, как людей прокормить, а мне надо. Озимые будем за рекой на фураж сеять, так что готовьтесь к еще одной посевной. Погнали.

Жареный для пушного усердия щелкнул плеткой. Затем закрыл окна, чтобы не вдыхать вонь, исходящую экипажем, и пыль, поднимаемую ими. Откинулся, полулежа на сиденье, и ухватился за руль. Повозка тронулась, зажужжав генератором, питающим мощный зонт, прикрывающий машину и пространство на три метра вокруг нее.

– Вот настоящий экологически чистый транспорт, – произнес он, расплывшись в улыбке. – Пиби! – посигналил неработающим клаксоном.

Славка стоял в пятерке первым. Товарищи старались бежать в ногу, а когда сбивались, он чувствовал это по вибрациям лямок и тогда давал вслух счет для выравнивания шага. Монотонный труд позволял погрузиться в себя, что очень помогало не чувствовать усталость и не унывать от тоскливого однообразия действий.

– Раз, раз, раз, два, три, – скомандовал он не задумываясь, когда лямки, идущие назад, застучали по плечам.

– Впереди ямы, – предупредил его Жора.

– Помню, – бросил Славка не оборачиваясь.

Дороги никто не ремонтировал, поэтому с каждым годом они становились все хуже. Ям появлялось все больше, а кустарники и молодые деревца подбирались все ближе к ним. Когда до серьезных колдобин осталось метров двадцать, Славка поднял правую руку, давая сигнал куратору начинать торможение. Машина с запозданием засвистела сточенными тормозными колодками и серьезно влетела передними колесами в неровности дороги.

– Вы чё там, твари, уснули? Эй, бригадир, еще один такой косяк, и ты на «губу» на неделю залетишь. Ублюдки. Пошли вперед, не спеша. – Он щелкнул плеткой для пущей демонстрации намерений.

К его угрозам стоило относиться серьезно. Жареный прославился мстительностью и исполнением обещаний. Своего внутреннего деспота он не скрывал.

– Так, пацаны, давайте осторожнее перекантуем машину по буеракам. – Славка задал темп, который считал комфортным.

Однако машине не хватало инерции, чтобы наскоком перескочить некоторые особенно крупные колдобины. В одном месте мальчишки дружно свалились, когда повозка неожиданно дернула их назад. Куратор через лобовое стекло погрозил кулаком.

– Сука жирный, – сквозь зубы произнес Морда. – Сжечь бы его в этой машине.

– Тихо, – буркнул Славка негромко. – Прибавим чуток скорости.

Экипаж прибавил шаг, чувствуя, как машина скачет по ямам. Наконец сложный участок закончился, и они перешли на легкий бег. Съехали с грейдера на полевую дорогу и понеслись вдоль лугов, на которых паслись стада коров. Пшеничное поле раскинулось впереди бескрайней зелено-голубой волнующейся равниной. Славка начал сбавлять ход заранее, чтобы отдохнуть и дать машине возможность прокатиться по инерции. Повозка замерла у самого края поля.

– Эй ты, бригадир, иди сюда. У меня для тебя ответственное задание, – позвал Славку куратор.

Он подошел, не поднимая головы.

– Что надо сделать?

– Вот тебе рамка. – Он разложил до рабочего состояния квадратную рамку с длиной стороны в полметра. – Накидываешь на пшеницу, и всю, что попадет внутрь, срываешь под корень. Связываешь веревочкой и подписываешь номер образца.

– А как подписывать?

– Руками, если ты умеешь ими пользоваться. Держи карандаш, и смотри, не сломай сердечко, отхлестаю. – Жареный потряс плеткой.

– А сколько надо делать проб? – спросил Славка, преодолевая страх.

– Десять, но в разных частях поля. Первую с краю, последнюю в центре. Понял?

– Да. Могу идти?

– Иди. А вы катайте меня, чтоб генератор работал, – приказал он оставшемуся без командира экипажу.

Мальчишки безропотно потащили машину. Славка понял, что от него требовалось. Руководство хотело знать, на какой урожай им стоило рассчитывать, чтобы заранее спрогнозировать свою политику. Торговля между безопасными зонами стала одной из самых главных статей выживания людей. Первый раз он накинул рамку в десяти метрах от края. Вырвал все растения пшеницы, перевязал кожаной тесемкой получившийся снопок и подписал на утолщении тесемки: «Образец № 1». Высчитал примерное расстояние до середины поля, чтобы поделить его на равные промежутки, и продолжил свою работу.

Такой труд ему нравился. В нем присутствовал творческий момент, предвосхищение ожидания будущего урожая. Ему захотелось стать одним из руководителей безопасной зоны и планировать жизнь общины, манипулируя данными и строя прогнозы. Это был правильный и полезный труд, от которого зависела судьба каждого жителя. Славка проделал работу ответственно, ни разу не схалтурив. Ему хотелось, чтобы тот, кто будет считать колоски и зерна, получил самую достоверную информацию.

Охапка из десяти снопов оказалась тяжелой. Славка еле доволок их до края поля. Подождал, когда его товарищи докатят повозку к нему. Когда она остановилась, Жареный дремал на переднем сиденье, открыв рот. Славка закинул снопы в багажник и снова впрягся в узду.

– Все нормально? – спросил в спину проснувшийся куратор.

– Да.

Славка стронул экипаж с места. В следующий раз они остановились у картофельного поля. К этому моменту сам Славка и его товарищи уже немного устали. Пот бежал по лицу, затекая в глаза. Рубахи взмокли. По спине расплылись влажные темные пятна, к ним липла дорожная пыль. Куратор приказал на примере десяти выкопанных кустов проверить будущую урожайность картофеля. Выкопать и посчитать клубни, а также проверить на колорадского жука и фитофтору. Славка беспрекословно выполнил работу.

Затем они поехали на кукурузное поле. Здесь ничего проверять не надо было. Жареный оценил состояние посевов самостоятельно.

– Так, теперь к реке, – скомандовал куратор.

Славка, да и его команда тоже, зверски захотели пить.

– Воды не дадите? – попросил он.

– Из речки попьете, – небрежно ответил Жареный.

Экипажу ничего не оставалось, как подчиниться. Уже без прежней энергии они поехали дальше. Дорога к реке вела вначале на возвышение, а потом на резкий спуск. Тянуть впятером машину по плохой дороге оказалось намного тяжелее, чем они представляли себе. Колеса про-

валивались в ямки, отбирая последние силы на рывки. Ребята дышали, как загнанные кони. А толстый куратор, разомлевший в комфорте, снова дремал с открытым ртом.

– Всадить бы ему кол прямо в пасть, – размечтался Жора.

Славка промолчал, будучи полностью на стороне товарища. Наверное, по приезду этот куратор начнет рассказывать начальству о том, как он надорвался, выполняя приказ. А их после этого кросса могут отправить на другую работу, пока не зайдет солнце. А виной всему страх необращенных, заставляющий унижать тех, кто, по их тайному мнению, лучше и сильнее. Они знали, что обращаются с людьми как со скотом и потому не давали обращенным дожить до взрослого возраста, боясь настоящего бунта.

Кое-как с остановками удалось забраться на вершину возвышенности. Сверху открылась прекрасная панорама реки, поймы и леса, окантовывающего русло. Спуск к реке был слишком крутым, а дорога изобиловала промоинами. Водителю машины следовало бы стать активным участником движения, чтобы объезжать препятствия и вовремя притормаживать.

– Чё встали? – выкрикнул Жареный в открытое окно.

– Крутой спуск, вам надо будет рулить и тормозить, чтобы машина не разогналась, – предупредил Славка.

– А то чё? На вас наеду? – Куратор мерзко заржал. – Говна собачьего.

– А кто вас отсюда вывезет? – дерзко спросил Славка, не справившись с раздражением.

– Рот закрой, шавка. – Жареный щелкнул плеткой. – Погнали.

Славка покачал головой.

– Ладно, пацаны, смотрите, не попадите ему под колеса. Ты, Жора, сечешь назад и орешь благим матом, если машина поедет на нас, – приказал бригадир.

– Ладно, – согласился Жора.

– Потянули осторожно.

Машина тронулась легко, совсем не как в гору. Через десять шагов она уже катилась самостоятельно, с каждым метром набирая скорость. Экипаж бежал легко, а Славка показывал руками направления, в которые надо вертеть руль куратору, чтобы не попасть в глубокие канавы. Они одолели половину спуска, а потом что-то пошло не так. Где-то в районе переднего колеса раздался хруст, после него машина понеслась вперед, будто у нее отказали тормоза. Она мгновенно нагнала экипаж. Куратор, выпучив от страха глаза, бесцельно вращал рулем.

– Отстёгивайтесь! – успел выкрикнуть Славка и отскочить в сторону.

Сам он не успел отстегнуть лямку. Она дернула его и поволокла за машиной. Славка вытянул руки вперед, чтобы лямка соскочила с него вместе с жилетом. Его еще протащило несколько метров, прежде чем жилет стянуло с туловища. Машина с куратором понеслась по ухабам, подпрыгивая на них всеми колесами. Жареного, наверное, уже не раз приложило к потолку.

Видимо, удары выбили из него дух, потому что машина как будто потеряла управление. Ее понесло в сторону неглубокого оврага. Славка прикрыл лицо ладонями, боясь смотреть на то, что должно было произойти. Автомобиль залетел в овраг одной стороной, ударился передком о противоположную сторону со всей дури, подняв кучи песка, подлетел багажником вверх и перевернулся на крышу.

Славка обернулся на товарищей. Они стояли в полном ступоре, не зная, что предпринять. Вся вина за это происшествие должна лечь на их плечи.

– Бегом! – скомандовал бригадир и первым бросился к машине.

Команда подбежала к автомобилю. Задние колеса еще вращались. Передние не могли этого делать, потому что были вывернуты ударом. Огромный маховик, расположенный под капотом и служащий благодаря инерции аккумулятором для генератора, издавал подозрительные скрежещущие звуки. Славка нагнулся, чтобы посмотреть на состояние куратора. Мужчина лежал на крыше, лицо перепачкано в крови и осколках стекла. Он не подавал признаков жизни.

– Надо перевернуть машину, – приказал бригадир.

– А ехать она все равно не сможет, – резонно предположил Васька. – Может, попытаться вытащить жирняка?

– А дальше? Без зонтика он и минуты не протянет. – Славка почувствовал, как начинает впадать в панику.

– А я слышал, что такие, как мы, умеют издавать звуки, нейтрализующие спектр, – произнес не к месту Морда.

– Сказки это, – окоротил его Жора.

– За помощью надо бежать, – решил Славка. – Может, он не придет в себя, пока она прибудет? Морда, давай напрямки, ты у нас самый быстрый.

– Я? – Морда сморщился, но напоролся на холодный взгляд Славки. – Ладно. А что сказать?

– Говори как есть, нам терять нечего.

Морда вытер пот с грязного лица и побежал. Механический аккумулятор скрежетнул в последний раз и замер. Повисла такая тишина, что стали слышны лягушачьи хоры у реки. Зонтик, защищающий Жареного от черного спектра, больше не работал. Мужчина словно почувствовал это, зашевелился и открыл глаза. Мгновение он смотрел растерянно, словно не понимал, что происходит, но потом в его взгляде все отчетливее концентрировался сгущающийся страх. Куратор завопил как резаный, заерзал ногами, скрежеща битым стеклом по крыше, и исчез.

Ребята смотрели в пустое нутро повозки и не могли поверить, что человека в нем больше нет. Осознание личной катастрофы медленно проникало в их мысли.

– Морда! – Славка громко крикнул вслед убегающему товарищу. – Назад!

– Чё? – коротко спросил запыхавшийся Морда, присев рядом.

Пустой салон машины был ему самым красноречивым ответом.

– Что делать будем? – Жора полез в машину и вытащил из нее кожаную сумку Жареного.

– Возвращаться нельзя, ослепят, – произнес Славка. – А меня, как бригадира, еще и выпорют и на месяц в карцер. Я на рынок не вернусь, а вы как хотите.

Жора открыл сумку и принялся выкладывать из нее все, что в ней лежало: пузырек с духами, складной нож, старые монеты, имевшие хождение внутри безопасных зон, носовой платок с выцветшим рисунком, пластиковый раскладывающийся стакан, очки с темными стеклами с одной отломанной дужкой и небольшая книжка с пожелтевшими страницами «Справочник агронома».

– Если нас с этим найдут, сразу решат, что мы грохнули труса, – заметил Пятак.

– Ну хоть побрызгаться можно? – Жора сжал в кулаке пузырек с духами. – Это моя мечта.

– Такие, как мы, должны вонять, чтоб за сто метров можно было понять, кто ты такой. – Славка вырвал из рук Жоры пузырек.

Но не выбросил, а к удивлению товарищей налил в грязную ладонь сильно пахнущую жидкость и растер по шее и груди.

– Держите. Повоняем немного, как трусы, а потом в реке смоем. – Бригадир вернул пузырек Жоре.

– Так что, сбегает? – Пятак решил, что мытье в реке будет начальным этапом побега.

– Как хотите, я вас за собой не зову. – Славка поднялся на ноги. – Раз само так получилось, значит, надо воспринимать это как знак.

– Жаль, я не видел, как эта тварь обосралась, – пожалел Морда. – Вы хоть успели насладиться моментом?

– Не особо. Жареный оказался слишком внушаемым, потому пропал быстро. – Бригадир взял из кучи предметов куратора складной нож и сунул в карман. – Идете?

Товарищи медленно поднялись. Тела, уставшие от тяжелой работы, просили отдыха.

– Хорошо, что этого кабана не надо назад тащить. – Пятак на прощание пнул мятый кузов машины. – Я бы сейчас уже не смог. Хотя что-то хорошее случилось за день.

– Хорошее, если не найдут. Сейчас такая движуха начнется во всех безопасных зонах. Это же такое событие, твари завалили труса, это что-то неслыханно дерзкое, за что их надо убить в самой жестокой форме, чтобы показать всем тварям в назидание, кто здесь хозяин. – Морда предвосхитил ожидающие их события. – Но это если не вернуться сразу. Бегство доказывает нашу вину.

– Ты хочешь ослепнуть? – спросил его Славка.

– Нет, но жить хочу больше.

– Иди, мы тебя не держим. Можешь даже сказать, что пытался нас остановить, но мы побили тебя. Хочешь, фингал под глазом поставлю для достоверности? – Славка замахнулся.

– Не надо! – Морда инстинктивно закрылся руками. – Я с вами.

Команда в последний раз бросила взгляд на перевернутый автомобиль и направилась к реке. Пошли они балками и оврагами, чтобы не попадаться на глаза случайным людям. Мало ли, кто мог промышлять на этих землях. Охотники из числа обращенных иногда заходили в чужие владения, преследуя стаи косуль или кабанов.

Метров за сто до реки потянуло влагой. Славка прибавил шаг, а когда начался желтый песчаный берег, поросший кустами мать-и-мачехи, скинул с себя всю одежду и бегом, поднимая брызги, вломился в воду. Товарищи последовали его примеру. Они долго плескались, оттирали с себя многомесячную грязь, ныряли и развлекались, как обычные подростки. Река на время позволила им забыться.

Накупавшись, Славка принялся стирать свои лохмотья при помощи мыльнянки, росшей у реки. Ему хотелось отбить с одежды грязь и запах невольничьего рынка. Постирав, он не стал развешивать ее для сушки, сразу натянул на себя.

– Задерживаться здесь опасно. Нас вычислят по следам. Надо идти по воде вдоль берега вверх по течению километров десять, пока не дойдем до железнодорожного полотна. На нем наши следы точно потеряются. – Славка поделился придуманным планом.

– Далековато. – Жора задумчиво почесал спутавшиеся на макушке волосы.

– Тем лучше. Никто так сразу не поймет наш замысел. Вначале кинутся вниз по течению, думая, что мы поплыли по реке, а когда не найдут, время уже потеряется, мы будем далеко. – Васька поддержал план бригадира.

Ребята, последовав примеру старшего, выстирали свои обноски и надели их. Немного отдохнув, они переплыли реку и направились вверх по течению вдоль пологого берега. По дороге собирали устриц беззубок, чтобы приготовить на ужин. Благо в реке их водилось в достатке. Нужно было осторожно ступать, чтобы не порезать босые ноги об острые края стволов.

Отмахав половину отмеренного пути, они услышали на реке какую-то активность. Слышался звук работающего парового двигателя и стук топоров. В воздухе висел запах дыма. Морда вызвался разведать обстановку. Он уполз кустами вперед и вернулся через десять минут.

– Там труса лес валят, – сообщил он.

– Сами? – не поверил Славка.

– Ну прям сами. Пацаны, такие же, как и мы, а те только смотрят из-под зонтика. У них, кстати, оружие огнестрельное есть.

– Лучше не рисковать. Переждем здесь, пока они не свалят.

Через час лесорубы погрузили стволы деревьев на телегу, движимую паровым двигателем, и уехали. Команда Славки продолжила путь. Вечерело. Над пожелтевшей в закатном солнце водой носились рои комаров и одиночные стрекозы. Выписывали фигуры высшего пилотажа стрижи. Рыба веселилась, плеская серебристыми хвостами по поверхности воды. В

зарослях рогоза на излучинах реки остервенело орали лягушки. В неподвижном воздухе замер накопившийся за день летний зной.

– Свобода, – блаженно прошептал Пятак на выдохе.

– А в лагере сейчас ужин. – Морда испортил ему наслаждение моментом.

– По мне уж лучше устриц трескать на свободе, чем баланду на рынке. – Васька перевернул плечами. – Была бы сеть, еще и уши навернули бы. Ой! – Он неожиданно подпрыгнул. – Меня кто-то за ногу тронул.

– Хорош вам шуметь, – зашипел на них Славка. – Мы еще от лесорубов недалеко ушли.

Команда послушалась его. До наступления ночи шли молча, не спеша, озираясь по сторонам. Прежде чем совсем стемнело, они увидели ориентир, куда стремились, железнодорожный мост, перекинутый через речку. Для мальчишек, рожденных после гибели цивилизации, ее останки в виде сложных инженерных сооружений, сделанных из металла и бетона, воспринимались как чудеса, к наследию которых они не имели никакого отношения. Тысячи километров рельс, сотни мостов, насыпи в два человеческих роста. Таких грандиозных проектов человечество больше не могло себе позволить. А составы, ржавеющие на путях? От их грозного и агрессивного облика Славке становилось не по себе. Они казались ему могучими богатырями, погибшими, но способными в один прекрасный момент ожить и показать всем свою силу.

Ребята выбрались из воды прямо под мост по крупному щебню, на нем не оставалось следов. Пришлось надеть обувь, чтобы не поранить стопы. Половодье нанесло под мост кучу валежника, так что проблем с разведением огня у команды не было. Они забрались под стык основания моста и его полотна, между огромными балками. Морда набрал дров и сделал приспособление для разжигания. Жизнь на рынке приучила мальчишек добывать огонь из чего угодно. Они умели разжигать его при помощи вращения трута и даже камней, высекая искры.

Морда крутил ровный трут ладонями. Пятак слегка прижимал его сверху, чтобы трение о деревяшку, на которую он опирался, было сильнее. Васька счистил с сухих веток всякую шелуху, способную быстро разгореться, и сидел, склонившись и зорко следя, когда появится огонек, чтобы раздуть. Славка и Жора выбрались на полотно железной дороги на разведку. Погоня за ними могла случиться совсем не по тому сценарию, на который они рассчитывали. Однако в этих местах было так тихо и безмятежно, что мучавшие Славку предчувствия растворились в ночной тишине.

Из-под моста потянуло дымком. Ребята собрались вокруг разгорающегося костра, чтобы приготовить себе ужин. Они зажимали раковину устрицы с сомкнувшимися створками двумя палочками и держали над огнем, пока те не раскрывались. Держали еще немного, а потом выгызали из панциря горячую плоть, сильно пахнущую речной водой.

– Деликатес. – Морда с сожалением доел последнюю устрицу. – Я бы еще чего-нибудь слопал.

– Давайте утром еще раз соберем устриц, прежде чем идти дальше? – предложил Жора.

– Давайте, – согласился Славка.

– А куда в итоге мы пойдем? – поинтересовался Васька.

– Я не знаю пока. – Бригадир пожал плечами. – Подальше от своих, чтобы информация о нас затерялась между трюсами, а там видно будет.

– Если нас поймают, все равно сдадут на наш рынок, у них же Кодекс. Беглый обращенный должен быть возвращен хозяевам.

– Будем более осторожными, чтобы не попасться. Попробуем идти ночами, а днем прятаться и спать, – предложил Славка.

– Можно идти от одного поселка к другому. Трюсы не любят их, боятся, им там все время что-то мерещится, – обстоятельно посоветовал Жора.

– Да, это хорошая идея, – согласился Славка.

– А кто-нибудь из вас верит, что есть места, в которых живут такие, как мы, и куда трюсы не могут попасть? – неожиданно спросил Морда и оглядел товарищей горящим взглядом.

– Я не верю, – растягивая слова, произнес Пятак и зевнул. – Сказки, чтобы не одуреть от безнадеги.

– А кто-нибудь из вас хоть раз слышал в голове голос, который рассказывал об этом? – поинтересовался Славка.

Ни с кем, кроме слепого Ильи, он не делился прежде.

– Нет, мой голос обычно говорит, что пора бы пожрать, – усмехнулся Морда.

– У меня тоже нет никаких голосов, – признался Жора.

Васька и Пятак тоже никогда не слышали внутри себя никаких особенных голосов.

– А у тебя был, что ли? – недоверчиво спросил Пятак.

– Да. Много раз. Но он такой нечеткий, нужна абсолютная тишина, чтоб слышать его. А где ее у нас найти? Либо работаешь как конь, либо дрыхнешь без сил. – Славка решил, что сейчас самое время рассказать об этом. – Я не чокнулся, не думайте, мы со слепым Ильей обсуждали эту тему и он повторил все то же, что слышал я.

– Да ладно? – изумился Пятак. – И чё там он бубнил?

– Ну, что есть такие места, куда обращенным можно спрятаться от трюсов. Что там нас ждут и всегда рады.

– А как туда попасть? – Морда напряженно уставился на товарища, веря, что тот сейчас даст ответ.

– Я не знаю. Этот голос что-то говорил о том, что надо развивать в себе какой-то дар и тогда можно увидеть вокруг гораздо больше, в том числе и то место, где можно спрятаться.

– Расплывчато. – Жора поворошил прогорающие угли в костре. – Лучше бы он назвал географический ориентир, в который надо прийти.

– Он что-то говорил о сияющей на закате короне, которая может указать путь, но не сказал, где ее можно увидеть, – поделился Славка.

– Звучит, как проповеди, на которые ходят необращенные, – фыркнул Жора. – Приди туда, не знаю куда, соблюдай то, не знаю что, и тогда черный спектр не дотянется до тебя. Жареному это не помогло.

– Лет через десять трюсы совсем перестанут выходить из безопасных зон, – предположил Пятак. – И тогда этот мир станет нашим.

– Не, бегать десять лет я не согласен. – Морда завертел головой. – Мне тогда уже будет далеко за двадцать, а я не видел ни одного обращенного в этом возрасте. Может, мы и не живем так долго.

– Убивают нашего брата, – жестко ответил ему Славка. – Из-за страха. Боятся, что мы соберем силу.

– Согласен, – покивал Жора. – На то они и трюсы, чтобы всего бояться. Только надеяться, что вскоре что-то поменяется наивно. Необращенные не сдадутся просто так, они за жизнь цепляются сильнее, чем мы. Даже если они засядут в зонах, то придумают, как управлять нами, не выходя оттуда. Нам нужно место, где они нас не найдут, чтобы набраться сил.

– Если только оно существует. Потому что пока это похоже на сказку, которую рассказывают детям перед сном. – Жора зевнул. – Давайте спать.

Славка поделил между всеми смены дежурства и заступил первым, хотя глаза закрывались от усталости. Его товарищи легли спать, а он выбрался из-под моста и уселся на край, свесив ноги. Под слабым сиянием звезд он видел извивающуюся змеей реку, темнеющий лес и очень далеко мерцающие в движущемся воздухе огни. Наверное, это тоже был чей-то невольничий рынок, в котором сейчас жили такие же мальчишки и девчонки, как и он, заключенные в неволю по причине страха перед ними. Их доля была тяжелой, а участь печальной. Они не заслуживали того, как с ними обращались, потому что урожденные обращенными намеренно

не собирались никому вредить. Для трусов они были тварями от рождения, не заслуживающими ничего, кроме рабского труда и быстрой смерти.

Глава 2

Максим уже и не помнил себя в человеческом обличье. Тело лежало внутри сферы много лет в особом состоянии, не портясь, и уже казалось мусором, а не тем, кем он считал себя раньше. Все человеческое стало Максиму чуждым. Вернее, всё, что требовало тело для своей жизнедеятельности: пища, дыхание, сон, страх. Потеря последнего совершенно преобразила образ мышления. Страх в человеке существовал ради сохранения материальной оболочки, в которой был прописан основополагающим инстинктом, влияющим на многие аспекты принятия решений. Осознав себя практически бессмертным, Максим почувствовал неимоверную силу и желание применить ее с пользой.

Пользу свою он увидел в помощи людям, начавшим меняться, либо родились с этими изменениями. И в первую очередь он начал со своей семьи. Освоившись в своей новой ипостаси, которая благодаря его вхождению в некий волновой узел, где во главе стоял Лидер, как он просил себя величать, превратила его в более эффективную структуру, способную менять физику в недоступном человеческому пониманию смысле. Проще говоря, играя с особыми видами энергий, составляющими ткань вселенной, можно было создавать аномальные участки, недоступные простым смертным, а также обращенным, не умеющим пользоваться своим даром.

Дочь Вероника видела и слышала отца, поэтому ему не составило особого труда рассказать ей о том, что надо валить из Миролюбия, пока людей не начали настраивать против таких, как она и мама. Маша верила дочери, хотя и пребывала в состоянии страха, по привычке боясь выходить за территорию точки Лагранжа. Максиму пришлось вести своих женщин, как навигатору, прокладывая маршрут от одной точки до другой, чтобы они не попали не к тем людям. Благо после его включения в цепочку последователей Лидера, желающих перемещаться между точками Лагранжа без дела, стало намного меньше.

Первую зону Максим сделал неподалеку от Белых Зорь, специально, чтобы его женщины имели возможность во время миграции точки потихоньку приворовывать пропитание у её жителей. Пока у них не было возможности самим производить еду, приходилось идти наперекор собственной морали. Пространственная аномалия в радиусе составила более километра, вокруг избушки лесничего. Вероника умела запросто пересекать границы аномалии в обе стороны, а Маша только в одну. Выйдя за ее пределы в одиночку, назад вернуться она уже не могла, только вместе с дочерью.

Постепенно Максим достучался до сознания Макара, который после этого смог уговорить Николая, а затем и Толика с Кайратом отправиться в сторону созданной им аномалии. Напарники Николая не поддержали командира и уехали на паровозе домой. А четверо его товарищей вскоре пересекли барьер и очутились вместе с его женщинами. Появление мужчин позволило привести заброшенный дом лесничего в приличное состояние и подготовиться к зиме.

Люди, живущие в Белых Зорях, наверное, уже начали верить в чертовщину из-за этой части территории, накрытой аномалией. Круг в два километра был просто вырезан, а его границы склеены так, что заметить это совершенно невозможно. У тех, кто помнил эти места иначе, запросто могли возникнуть подозрения в собственной неадекватности. Также невозможно было не заметить пропажи. Пропадали вещи, домашние животные, продукты. Не в больших количествах, чтобы не вызывать жажду мести и желание найти вора, а в таких, которыми люди могли пренебречь.

Мужчины из аномалии промышляли охотой, поэтому в мясе, основном продукте питания, недостатка не возникало. Собирали грибы, ягоды, орехи, готовились к зиме, как могли. Из-за того, что Веронике постоянно приходилось находиться с теми, кто выходил за пределы круга, она быстро набиралась боевого опыта, взрослея не по годам. Через год она самостоятельно покинула круг, пробралась в Белые Зори, где в тот момент стояла точка Лагранжа, чтобы пообщаться с девочкой с такими же способностями. Она сделала это как раз в тот момент, когда жители деревни уже собирались выгнать ее из-за того, что она нечаянно чуть не погубила родного ребенка приемных родителей. Максим рассказал Веронике об этой девочке, но про спасение не обмолвился ни словом. Инициатива спасти ребенка целиком и полностью исходила от дочери. Девочка, которую звали Лейлой, поверила ей и ушла из деревни, пока никто не видел.

Максим увидел в поступке дочери ее предназначение. Вместе они представляли идеальный тандем и могли заняться поиском и спасением людей с новыми способностями. Это дело оказалось очень востребованным, потому что день ото дня неприятие людей с черным спектром во взгляде усиливалось. Начались гонения даже в продвинутом Миролюбе, а в других точках деградация социальных устоев происходила семимильными шагами, вскоре дошло и до казней. Обращенным рубили головы, сжигали на кострах, вымещая суеверный страх в диких изуверствах.

Максим через дочь направлял отряд своих товарищей туда, где возникала в этом необходимость. Еще через год количество жителей аномалии возросло до двух сотен. Ее стало невозможно скрывать из-за потребности прокормить такое количество народа. Пришлось создавать ее в том месте, где имелось достаточное количество жилья. Максим вспомнил про переезд, находившийся неподалеку от Белых Зорь. В районе него на расстоянии тридцати километров не было ни одной точки Лагранжа.

После миграции население увеличилось до пятисот человек. Обращенные почувствовали силу и, уже не боясь, покидали аномалию вооруженными отрядами, готовые дать бой тем, кто не считал их людьми. Стычки показали, что удача была на их стороне. По округе поползли слухи о растущей агрессивной популяции нелюдей. Сговорившиеся между собой на почве появления общего врага власти разных общин собрали приличную армию под три тысячи человек и устроили настоящую блокаду аномалии, парализовав охоту и другие источники пополнения пропитания. Многие, кто бывал прежде в этих местах, оставались в полном недоумении из-за исчезновения поселения. Интуитивно некоторые предполагали, что без происков черного спектра тут не обошлось. У многих на слуху были истории о деревнях зомби, расположенных за кольцом кристаллов, которые могли просто пропасть на несколько часов, а затем появиться. Видимо, из этих соображений армия дежурила на месте исчезнувшего разьезда, ожидая его появления.

Армия сидела на месте, пока не подошло к концу топливо, обеспечивающее генераторы, модулирующие антиволну черного спектра. Судя по тому, что за время блокады не произошло ни одной стычки, место расположения нелюдей они определили правильно. Из-за этого в округе стало небезопасно находиться. Военные патрули шныряли по всем дорогам. В каждом овраге можно было напороться на растяжку или наступить на мину на какой-нибудь лесной тропинке.

Однако слухи об объединении людей с новыми способностями грели душу последним, а также родителям особенных детей, отчаявшимся найти для себя укромное место для жизни. Максим видел это все, но достучаться до них не мог. Многие не понимали, что дар, возникший, как ответная реакция организма на появление волнового разума, можно развивать. И самым необходимым свойством для коммуникации между обращенными людьми являлась телепатия. Тогда Максим смог поговорить бы с каждым и вложить ему все необходимое для того, чтобы добраться до безопасного места.

В самой аномалии Вероника занималась просвещением ее жителей. Мать наконец-то научилась концентрироваться и впервые с момента исчезновения мужа смогла с ним поговорить. Она так впечатлилась этим, что на неделю потеряла над собой контроль и способность концентрироваться. Эмоциональность у нее осталась от прежней Маши. Вскоре жители аномалии научились понимать друг друга без слов, видеть барьер, ограждающий их от остального мира, и выходить на связь с Максимом. Теперь необходимости отправлять Веронику с каждым отрядом больше не было. Мужчины ходили теперь самостоятельно, небольшими боевыми группами, по заранее разведанным адресам.

Число жителей снова начало возрастать. Прибавилось еды, добытой охотой, рыбалкой и собирательством. Многим, оказавшимся в аномалии, после того отношения к ним со стороны обычных людей, казалось, что они очутились в раю. Общество себе подобных значило невероятно много для них. Никто не смотрел с затаенной злобой или страхом, никто не угрожал. Неудивительно, что сплоченность людей внутри аномалии, взаимопомощь и прочие добродетели находились на более высоком уровне, чем в обычных общинах.

Только всему хорошему неожиданно пришел конец и причиной тому оказался сам Лидер, узревший в самостоятельности Максима разногласия с его видением ситуации. Будучи более сильным благодаря команде безропотных помощников, он ослабил способности Максима и предупредил, что создаст невыносимые условия, если тот продолжит играть в свою игру. Лидер ждал, когда обращенные соберутся достаточной силой, создадут армию и при помощи оружия и новых способностей уничтожат не приспособившееся к новым условиям человечество. У него было достаточно времени и терпения, чтобы ждать результатов десятилетиями. Максим, даже после потери физического тела, мыслил человеческими категориями. Он мечтал, чтобы его жена и дочь жили спокойно, занимаясь семейными делами. Чтобы друзья не гибли в конкурентной борьбе, минимально соприкасаясь со своими врагами. Максим хотел мира для них здесь и сейчас и мог его предоставить.

Случилось страшное, барьер аномалии, защищающей обращенных от мира, исчез. Вероника пыталась связаться с отцом, но получалось это плохо. Образ его не проявлялся, а голос едва слышался. Он предупредил, о том, что теперь им придется действовать самостоятельно, не полагаясь на его помощь. Колония обращенных, оставшись на виду, вынуждена была начать миграцию в сторону кольца безопасности, выращенного для ограждения людей от попыток проникнуть в зону, откуда, считалось, идет излучение черного спектра.

Люди шли ночами, по следам своих разведчиков. Днем прятались по лесам. Случались стычки, заканчивающиеся кровавыми перестрелками. Уже перед самым кольцом кристаллов, разросшимся и почти сомкнувшимся в единую линию, случился решительный бой, закончившийся прорывом за периметр. После того как Максим присоединился к команде Лидера, излучение между кольцом безопасности и зоной, где находился шар, усилилось многократно. Чтобы выжить за кольцом, нужны были совсем другие мощности, которыми люди к тому времени почти не располагали.

Прореженная община обращенных, только очутившись за кольцом кристаллов, почувствовала себя в относительной безопасности. Здесь жили странные люди без эмоций, поклоняющиеся каким-то культам и требующие для продолжения своей жизнедеятельности выбросов энергии. Их звали зомби из-за того, что всех их оживили вскоре после смерти. Зомби казались безвредными, если не лезть на их территорию. Они были одержимы черным спектром в большей степени, чем обращенные при жизни или от рождения, но в силу некоторого характерного идиотизма пользовались способностями крайне редко.

Еще здесь жили немтыри, бывшие бойцы и помощники Фирлеза, стоявшего сейчас остекленевшим памятником на гранитном постаменте, вместо бюста какого-то ученого деятеля прошлого. Немтыри были хорошо вооружены, но опасности не представляли. Многие из бывших людей уже умели общаться телепатически и местные приняли их за своих. Вообще,

территория между кольцом и зоной превратилась в земли, на которых жили только люди, измененные черным спектром. Каждый вечер эти земли озаряла кратковременная вспышка короны откуда-то из центра зоны, куда не было доступа никому. Только однажды она впустила отца Вероники, признав его достойным представителем рода человеческого. Дочь старалась не пропускать сияние короны, веря, что это делает отец, напоминая о себе и предупреждая, что он все еще заботится о ней.

Нике исполнился двадцать один год. Она совсем отвыкла от полной формы имени, считая его пригодной только ребенку. По меркам общины она была уже очень взрослой женщиной. За все время жизни за кольцом она раз десять выходила во внешний мир, чтобы освободить хотя бы несколько человек, жизнь которых превратилась в настоящий ад. После того как их община с боями прорвалась за периметр, на обращенных началась облава, закончившаяся созданием невольничьих рынков, где, словно рабы, жили люди новой формации. Их унижали, нещадно эксплуатировали, убивали по малейшему поводу. Оставить это без внимания Ника не могла. От отца ей досталось чувство справедливости и необоримое желание действовать во имя него.

Ника сколотила отряд из самых смысленных ребят и девчат, с которым устраивала набеги на ближайшие рынки невольников, уводя оттуда по пять-десять человек за раз. Мать не разделяла ее геройства, думая в первую очередь о себе. Не хотела в случае смерти дочери испытать вселенскую скорбь. Когда она увидела, как Ника снова куда-то собирается, сердце ее невольно сжалось от дурных предчувствий.

– Куда ты? – поинтересовалась мать, нахмутив брови.

– Мам, я быстро. Папка сказал, что с невольничьего рынка сбежали ребята, один из них очень одаренный. Хочет, чтобы я перехватила его по дороге, пока они не встряли в неприятности.

– Н-ц, вы там с отцом совсем сдурели от своих игрушек. – Мать плотно сжала губы.

Ноздри у нее раздулись от возмущения. Она совсем не разделяла с Максимом взглядов на воспитание дочери. Одних рассказов спасенных рабов хватало, чтобы понять, в какую одичалость скатился мир, как низко ценилась жизнь, и какое удовольствие доставляло одним наблюдать унижение и смерть других.

– Это не игрушки, – отрезала Ника. – Это живые люди. Они хотят жить так же, как и мы. Мы же не хотим прятаться, не хотим, чтобы наши дети и внуки жили как крысы по норам. Для этого надо что-то делать. Одних страдальческих взглядов через забор недостаточно. Папка сказал, что наша популяция должна расти, а их сокращаться, чтобы через пару сотен лет бескровно завершить переход мира во власть таких людей, как мы. Пластичных, добрых, справедливых. – Ника повесила на плечо автомат. – К тому же папин голос ведет меня по безопасным маршрутам. Мне ничего не грозит.

– Ты же не всегда можешь его слышать?

– Я слышу его, когда мне это нужнее всего. Представляешь, тот мальчишка, на выручку которому я собираюсь, тоже слышит голос отца.

– Н-ц, одна я его не слышу. – Маша расстроилась еще сильнее.

– Обязательно услышишь, мамочка. – Ника крепко обняла мать. – Папа обещал найти способ снова быть сильным, а я помогаю ему в этом.

– Вероничка, я ни черта не понимаю, что сейчас происходит в мире. Хочется жить простой спокойной жизнью и, самое главное, понимать, как ее можно прожить, а я ничего не понимаю. Чем ты занимаешься, где Максим, как вы слышите друг друга? Я превратилась в старую глупую овцу, которая уже ничего не способна воспринимать.

– Мамуля, ты молодая и умная, как и раньше, просто ты, как и многие, подсознательно стараешься воспринимать действительность с позиции прежнего мировоззрения. Это защитная реакция на новое и непонятное. Давай ты пообещаешь мне, что по возвращении я снова

займусь с тобой медитацией. Тебе надо научиться чувствовать то, что умею я, чтобы поговорить с папой.

– Н-ц, не знаю, – произнесла Маша неуверенно – У меня такое ощущение, что люди поголовно помешались на этом волновом разуме и верят во всякие сказки.

– Сказки – это то, что ты рассказывала мне на ночь о прежней жизни. Если в них жить, то конец у них обязательно будет печальный. – Ника решительно отстранилась от матери и поправила на себе камуфляжный костюм, сшитый и покрашенный ею самой. – Пойду, надо ребят собрать. Всё будет хорошо.

Ника звонко чмокнула мать в щеку и убежала, чтобы не видеть ее слез. По дороге ей попался Анатолий, друг отца, с которым он выходил во внешку много раз. Выглядел он угрюмым, впрочем, как всегда.

– Здорова, принцесса, – Анатолий поздоровался первым.

– Здравсьте, дядь Толь. – Ника хотела проскочить мимо, но друг отца ее остановил.

– На дело? – спросил он, словно знал, что так и есть.

– Ну да, папа кое-что рассказал, – назвала Ника обтекаемую причину выхода.

– Короче, принцесса, у меня для тебя кое-что есть. – Анатолий полез в карман и вынул оттуда какой-то предмет, завернутый в тряпицу. Он бережно развернул ее. Внутри оказался пистолет Макарова, блестящий от масла. – Возьми, мне он больше не нужен, а тебе пригодится.

У Ники разгорелись глаза. Она любила огнестрельное оружие. Его до сих пор было много, но стрелять из него нечем. Патроны почти все израсходовали на войны, закончившиеся лет десять назад. Те, что изредка находили, обычно для стрельбы не годились из-за сырого пороха, потерявшего способность воспламеняться от капсюля.

– В обойме пять патронов, – предупредил Анатолий. – Надеюсь, они еще рабочие. Бери. – Он вложил Нике пистолет в руку. – Он помнит твоего отца молодым. Сберег. Вытри только, чтобы грязь не липла.

Ника взяла пистолет. Рукоятка удобно легла в ладонь. Ей нравилось это ощущение силы, сконцентрированное в железном предмете.

– Спасибо, дядь Толь. Я не ожидала.

– Не ожидала она, – буркнул по-стариковски он. – Я сам от себя не ожидал. Думал застрелиться из него до наступления маразма, но по ходу не успел.

Анатолий козырнул и пошел дальше, тяжело переставляя ноги. Ника постояла мгновение в раздумье, затем пошла дальше. Ее удивила осведомленность Анатолия насчет ее выхода. Обычно об этом никто не знал до самого последнего момента. Ника сообщала руководству общины непосредственно перед выходом. Она решила, что кто-то из ребят проинформировал отцовского друга. За Анатолием и другими ветеранами закрепился статус почетных жителей. Молодежь равнялась на них и могла доверять сведения о выходе из уважения. В этом не было ничего плохого, никакой утечки быть не могло. Барьер из кристаллов надежно отгораживал разошедшиеся эволюционные ветки человечества друг от друга.

Ника застала команду на скамейках площадки, где происходили собрания общины или выступления творческих групп.

– Все в сборе? – спросила она.

Костяк из пяти проверенных бойцов был на месте. Шепот, Уля, Чирок, Таша и Замес. Три парня и две девушки, все обращенные от рождения.

– Все. – Уля сунула в ножны самодельный нож, которым до этого что-то вырезала на скамье.

– Какие вводные? – поинтересовался Замес, самый крепкий боец из всей команды.

– С рынка невольников в этом районе... – Ника постелила перед напарниками карту и ткнула пальцем, – сбежали мальчишки. Один из них очень одаренный. Отец сказал, что тот слышит его. Если он окажется у нас, его дар разовьется намного лучше.

– Далековато. – Чирок почесал за ухом. – Придется проскочить через пять кордонов.

– Придется, – согласилась Ника. – Надо поспешить, чтобы до них не добрались рабовладельцы.

– А почему они сбежали? – спросила Таша, которая на манер Вероники тоже решила оставить от своего имени Наташа последнюю часть.

– Несчастный случай. С ними был человек, он исчез из-за сломавшегося зонтика. Как минимум их ослепят. А тот парень, который нам нужен, среди них был главным, так что с него спросится еще больше.

– Мракобесие. Они же ни при чем? За что с них спрос? – возмущенно спросил Шепот.

– В смерти человека априори виноваты обращенные. Если их не наказывать, то народ начнет бояться еще сильнее. Мы для них страшнее ночного кошмара, потому что они чувствуют свою слабость перед нами и понимают, что их время уходит. Природа дает нам шанс закончить это противостояние как можно скорее, и мы не должны упускать его. – Ника завершила обзор задания мощной мотивирующей речью. – Все готовы?

– Все, – ответил за всех Замес. – Через какой проход выйдем во внешку?

Проходы, оставшиеся в тех местах, где кольцо кристаллов не сомкнулось, использовали для выхода на другую сторону. О них было известно не только жителям внутренней области, но и внешней, и потому проходы всегда находились под наблюдением и часто минировались. Превентивные меры со стороны необращенных были оправданы, проще держать немногочисленные прорехи в барьере, предотвращая проникновение «диверсантов», чем искать их потом, на необъятных территориях, которые они могли контролировать только условно, из-под зонтика излучателя.

– Через подземный, – ответила Ника и указала на то место на карте, где рядом не было никакого известного прохода.

– Подземный? – переспросил Замес, решив, что их разыгрывают.

– Да, подземный, – с явным удовольствием повторила Ника. – Макара с товарищами предложил, я поддержала. Решили сделать сюрприз, чтобы никто не знал. Так безопаснее. Выход в лесу, так что можно не дожидаться сумерек.

– Ничего себе, здорово. – Замес сжал кулак и потряс рукой от переполнявших его чувств.

Пересечение барьера было самой опасной частью операции, забравшей наибольшее количество человек.

– Тогда можно выходить прямо сейчас? – Таша поправила на себе амуницию и по привычке попрыгала.

– Конечно, чего ждать. Всем, кому надо, сказали пока? – поинтересовалась Ника у команды.

– Как обычно, каждый раз навек прощаюсь, когда ухожу на миг, – засмеялась Уля.

Строчки из старого стихотворения, которое никто не знал полностью, являлись девизом прощания группы, уходившей за кольцо и одновременно оберегом от несчастий. Члены команды проверили друг у друга подгонку снаряжения, после чего отправились к железнодорожной ветке. Командовал всей техникой, поставленной на рельсы, Николай, тот самый, управлявший бронепоездом, на котором Максим добрался до зоны. Мужчина оказался прекрасным инженером, изобретателем и рационализатором всего, что касалось его профессии. Внутри кольца было налажено движение на дрезинах, часть из них передвигалась от мускульной силы, а часть от паровых двигателей.

Паровозы требовали частого техосмотра из-за большой вероятности взрыва. Железо, из которых изготавливались котлы, было такое, какое нашли, поэтому состояние узлов и деталей приходилось постоянно контролировать визуально. В домике с пустыми оконными проемами и без дверей, гордо именуемом депо, постоянно слышался металлический стук. Рабочие придавали новым железным деталям необходимую форму, либо ремонтировали снятые. Из трубы

на крыше поднимался густой черный дым, наполнявший окрестности характерным запахом кузницы.

Команда осталась снаружи. Внутрь прошла только Ника. Черный от копоти Николай вращал в щипцах раскаленную железку, по ней лупил кувалдой его работник. Увидев Нику, друг отца кивнул ей на старый грязный табурет, чтобы подождала. Ждать пришлось минут десять. Николай окунул железку в чан с водой. Раздалось злое шипение, и повалил густой пар.

– Чего задумала? – поинтересовался Николай, подойдя к девушке.

– Во внешку идем, дрезину хотели спросить. Есть на ходу?

– Есть, но только у нас проблема. Смазка заканчивается. Салом смазывать не дело, я его лучше сам съем, нужны углеводороды.

– Дядь Коль, мы по конкретному делу идем, беглецов спасать. – Нике стало неудобно перед отцовским другом.

– А я тебя и не прошу планы менять. Попроси батю глянуть своим орлиным зрением на мир, может, завалялась где-нибудь в тупике цистерна-другая с нефтью, или грузовичок хотя бы. Пусть координаты даст, а мы придумаем, как забрать. Ладно? Привет ему, кстати. Как у него там всё? Про здоровье не спрашиваю.

Ника рассмеялась над шуткой про здоровье. Николай каждый раз интересовался им, зная, что в той форме существования, в которой находился его друг, понятие здоровья ничего не значит.

– Нормально. Общаемся потихоньку. Он часто бывает среди нас, но из-за разногласий с Лидером я перестала его видеть, только слышу.

– Вот везде, куда ни сунься, возникают разногласия. Чего людям спокойно не живется? Я понимаю, плоть слаба, но в их эфемерном состоянии чего делить-то? – Николай возмущенно постучал черным кулаком в стену.

– Из-за нас спорят, – пояснила Ника. – Дрезину дадите?

– Бери вон ту, только вчера подшипники поменяли. – Николай указал пальцем. – И мою просьбу не забудь, для всех стараюсь.

– Не забуду, дядь Коль. Если папа был рядом, он сам все слышал.

Ника выкатилась из депо на дрезине. Команда запрыгнула на нее на ходу. За рычаги взялись парни и мощными движениями качельного рычага разогнали повозку. До барьера надо было добираться километров двадцать. Пешком путь занимал четыре часа, а на дрезине всего тридцать минут. Пользуясь моментом, Ника смотрела по сторонам, с удовольствием рассматривая, чем живет мир, отделенный барьером от остального.

Луга пестрели коровьими спинами. На местах вырубок леса народ занимался высаживанием саженцев деревьев, чтобы не ждать, когда это сделает природа. По паровому полю быки таскали сцепки с культиваторами, очищая их от сорняков. Узкое подсолнечное поле, зажатое между лесом и рекой, желтело только начавшими образовываться цветочными шляпками. У реки, с противоположной от подсолнухов стороны, на водопое стояло стадо бычков на откорме. Еще безрогие животные лениво взирали на грохочущую по стыкам путей повозку, обмахивая себя хвостами и отгоняя назойливую мошкарку.

От старших Ника знала, что до катастрофы отношение к труду было иным. Тогда люди ходили на работу, чтобы заработать деньги, ими рассчитывались за товар, и это вынуждало их принимать труд как необходимое зло. Как ей казалось, во внешке еще осталось прежнее отношение к труду, хотя и оно видоизменилось из-за появления рабов. Внутри кольца деньги не ходили, но был учет трудовой дисциплины, на нарушение могли пойти только люди недалекие или крайне ленивые. В целом люди понимали, что работают для себя, и что сложенные вместе усилия каждого дадут прекрасный результат в будущем для всех. Редко можно было увидеть человека, выполняющего свою работу с неудовольствием. На фоне заинтересованно-

сти в результатах труда процветали новшества, направленные на увеличение эффективности работы. Рационализаторство поощрялось в любом виде трудовой деятельности.

Обращенные, попавшие к ним из лагерей, первое время не понимали, как здесь устроена жизнь. Натерпевшись лишений, они старались запастись впрок и не гнушались воровства, от чего их быстро и эффективно отучали. Освоившись и поняв, что голод им больше не грозит, новички принимали ценности нового мира и уже сами становились их проводниками. За более чем десятилетний срок существования сообщества нового типа формальное наказание в виде исключения из общины не применялось ни разу.

Дрезина заехала под сень почти сомкнувшихся над головой крон деревьев. Пространство наполнилось разнообразным птичьим пением. Здоровый лось стоял у обочины и меланхолично жевал зеленый лист борщевика, провожая взглядом громающую повозку с людьми. Вблизи человеческого поселения охота на диких животных была запрещена. Потому они и жались к людям и совсем перестали их бояться.

За лесом путь разошелся на две ветки. Дрезина остановилась, чтобы перевести стрелку в нужную сторону. Ника соскочила на землю, добежала до рычага, отвечающего за перевод стрелочного механизма, и поменяла его положение. Сдвинувшиеся с места рельсы недовольно заскрежетали.

– М-да, железо нуждается в смазке, – согласилась она с недавней просьбой Николая.

Она вернулась на дрезину и села на место Таши, чтобы дать ей отдохнуть. Повозка с грохотом перескочила стрелку и помчалась вдоль опушки к небольшой станции, являющейся заодно фортом, защищающим общину от возможного нападения. Через несколько минут дрезина замерла под высокими стенами с бойницами у ворот. Они открылись. Вооруженный самодельным огнестрелом парень бросил взгляд на команду Ники и, ничего не спросив, разрешил въезд.

Дрезину загнали в тупик. Ника оставила команду, чтобы справиться у тех, кто рыл под-коп, о его особенностях. Она прошла вдоль зданий, построенных совсем недавно. Из окон доносился шум работы. В форте находился цех, где ремонтировали технику, а также занимались производством холодного оружия или же огнестрельного простейшей конструкции.

– Ника! – услышала она окрик в спину.

Ника обернулась. Её окликнул Потапыч, прозванный так за заметную косолапость. В общине он числился главным оружейником. В руках его находилось оружие, похожее на арбалет.

– Что? – Ника сама подошла к нему. – Новая смертельная игрушка?

– Ага. Ты снова туда? – Поинтересовался он, кивнув куда-то в сторону.

– Ага, туда.

– А у меня классная вещь для вас есть. – Он уверенно взял оружие в руки. – Арбалет с обоймой. Простой и легкий механизм взведения тетивы с одновременной перезарядкой болта. Я отстрелял больше ста, ни одного нештатного случая. Стрела летит точнехонько в цель до ста метров. Доску пятидесятку насквозь, правда, с двадцати метров. Возьми проверить в боевых условиях. – Он протянул арбалет Нике с таким видом, будто в его руках находилась святыня, которую он отдавал тому, кому она принадлежала по праву. – А я сейчас сгоняю за болтами. Мы их наделали под тысячу штук из старых осыпавшихся электродов.

Ника не устояла против такой презентации и взяла увесистое оружие. Для нее оно показалось слишком тяжелым, самое то для крепкого Замеса. Потапыч убежал и вернулся через пару минут с деревянным колчаном, сделанным из цельного куска дерева, набитым одинаковыми серыми стрелами.

– Держи. Здесь пятьдесят болтов. Давай покажу, как снаряжать обойму.

Оружейный конструктор отвел затвор, открывший полость в ствольной коробке.

– Туда вставляются болты, пять штук. Важно правильно поставить, чтобы не случилось заклинивания. Видишь ту выемку? Острие болта должно упираться в нее, чтобы не тупиться и подаваться на ложе правильно. Думаю, ты девка смышленная, сразу разберешься, – своеобразно похвалил он Нику. – Прицельные приспособления от ружья. Два положения, пятьдесят метров – траектория настильная, и сто метров – баллистическая. Работает почти бесшумно, не так, как прежние однозарядные. В прикладе хранится пенал с необходимым набором инструментов для ухода за арбалетом. Жду рекламаций и советов по доведению до ума.

Потапыч посмотрел в глаза Нике наивным взглядом, свойственным увлеченным натурам, но в то же время прямолинейным и честным.

– Конечно, как обычно. Надеюсь только, мишенью будут не люди, а дикие звери. – Нике не очень хотелось вступать в вооруженное противостояние с необращенными. – Не люблю поднимать шум. Хороший выход – это когда за все время тебя никто из врагов ни разу не увидел.

– Это да, согласен, но как говорят, хочешь мира, готовься к войне. Если они будут знать, что мы не просто прячемся за барьером, но и готовимся к любому отражению угрозы с их стороны, то сто раз подумают, прежде чем лезть к нам.

– Ладно, спасибо, пойду. – Ника повесила через шею колчан.

С таким вооружением она стала похожа на амазонку.

– Очень жду ваших отзывов, – уважительно произнес Потапыч.

Ника наконец добралась до здания, в котором проживала бригада копателей. Главного среди них звали Шахтером, потому что он им и был до катастрофы. Уже седой, вечно кашлявший дядька сидел на ступеньках и читал через очки без дужек какую-то книгу.

– Здравсьте, – поздоровалась Ника, потому что Шахтер не заметил ее появления.

– О, привет, – ответил он и, посмотрев на нее через очки, добавил: – Амазонка, – уловив мысли самой девушки.

– Это экспериментальный образец. Отдам Замесу, ему в самый раз. – Ника дернула плечиком, на котором висел арбалет.

Шахтер, кряхтя, поднялся, покашлял, сунул очки в карман, а книгу под мышку.

– Значит, надо идти?

– Значит, надо. Время поджидает.

– Ну, пошли. – Шахтер переложил книгу на перила. – Удивительные дела сейчас творятся в мире, если бы я оставил кошелек на этом месте, его бы никто не тронул, а книгу уволокут за милую душу. А ведь раньше все было наоборот.

– Вы сожалеете об этом?

– Ни боже мой. Даже радуюсь за того человека, который не пройдет равнодушно мимо книги. Пусть читает. Книга одна, а делает богаче каждого, кто ее прочтет. Не обесценивается, не провоцирует алчность, подлость ради владения, впрочем, как и любое нормальное искусство, оно в отличие от тех же денег только множится, а не перетекает из одного кармана в другой.

– Красиво рассуждаете. – Ника оценила философию человека, который имел возможность сравнивать.

– Как умею. – Шахтер развел руками.

Они вместе прошли к остальной команде, после чего покинули пределы форта. Дорога шла лесом на понижение. Изредка в просветы крон можно было увидеть темную полосу из дымчатых кристаллов. По мере приближения к ней она пропадала из вида, зато появилось характерное давление, ощущаемое каждым из членов команды по-своему. Ника, как самая адаптированная к черному спектру, не чувствовала ничего неприятного. А вот Замеса, меньше всех приспособленного к излучению, корчило. Лицо его покрылось бисеринками пота, взгляд блуждал, дыхание стало шумным, как у немощного старика.

– Потерпи, сейчас дойдем, включу защиту, – пообещал Шахтер.

К счастью, вход в подземелье оказался на приличном удалении от барьера. Он был хорошо замаскирован. Никаких следов от выбранной земли не осталось. Шахтер нагнулся над ворохом прошлогодних листьев, пошарил рукой, нащупал цепь и потянул за нее. Вместе с листвой поднялась деревянная крышка, обнажившая темный проход.

– Сто метров длины. Кое-где будут торчать корни. Мы не стали их убирать, чтобы не посохли деревья. Они могли выдать нашу тайну. Я сяду за динаму, покручу педали, чтобы активировать защиту. В самом конце на выходе будет гореть лампа, чтобы вы поняли, как надо выбираться. Увидите над головой полый пень, осмотритесь через отверстия в нем, прежде чем выбираться. Если все спокойно, сдвиньте пень в сторону и выбирайтесь. Последний пусть нажмет на рычаг возле лампы, я пойму, что вы на той стороне. Все поняли?

– Да, спасибо вам. – Ника протянула руку мужчине. – Вы профессионал в своей работе. Я никогда бы не догадалась, как можно меньше, чем за месяц сделать такой длинный тоннель.

– На то я и шахтер, чтобы делать то, что умею лучше всего. Удачи вам, ребята. – Шахтер пожал руки всем по очереди и первым залез в темноту прохода.

Он уселся на велосипедную раму и принялся крутить педали. Давление барьера сразу ослабло. Замес облегченно вытер вспотевшее лицо.

– Фух, здорово как. Каждый раз, когда приближаюсь к кристаллам, начинаю со страхом думать, что я один из этих. – Он ткнул в темноту тоннеля пальцем, будто говорил о тех, кто живет по ту сторону.

– Иди первым, – приказала ему Ника.

За хорошие бойцовские качества Замес часто оказывался на самых ответственных и опасных местах. Ему это льстило. Он не моргнув глазом нырнул во тьму и сразу же начал ругаться.

– Блин, потолки низкие, как для лилипутов. Пригибайтесь.

– А вы хотели маршировать во весь рост? – усмехнулся Шахтер. – Это еще месяц работы, плюс возрастает вероятность обрушения. И не забывайте про корни.

– Ай, блин. – Замес снова обо что-то ударился. – Дурацкие корни.

Ника покачала головой и нырнула в темноту следом. Первые десять метров еще можно было рассмотреть стены тоннеля, но из-за поворотов, обходящих корни, свет быстро померк. Тьма превратилась в абсолютную. Ника выставила перед собой руки и медленно шла вперед. Пахло сырой землей и растительной прелостью. Замес впереди тихо бухтел, позади шептала ругательства Таша, цепляющаяся амуницией за корни. Субъективно длина тоннеля показалась больше ста метров. В какой-то миг он вообще показался Нике бесконечным, вызвав в душе легкую панику. Только тусклый свет древней электрической лампы обозначил его окончание.

Ника подошла к Замесу, когда тот крутился внутри полого пня, как в командирской башенке танка, рассматривая через отверстия окружающую обстановку.

– Как там? – спросила Ника.

– Там кто-то есть, – сообщил он шепотом.

Ника напряглась. Не хотелось верить, что такой сложный проект оказался неудачным. Тем временем Замес полез в колчан и вынул из него арбалетный болт, просунул его в отверстие и резко ткнул вперед.

– Хрю? – раздался с той стороны кабаний возглас вопросительной интонации.

– Иди на хрен отсюда, шпион, – пробубнил Замес. – Можно смело выбираться.

Он напрягся и сдвинул пень в сторону.

Глава 3

Если бы не комарье, почуявшее тепло человеческого тела, Славка уснул бы, не дождавшись окончания смены. Веки отяжелели настолько, что не хватало никаких сил держать глаза открытыми. Но стоило ненадолго расслабиться и перестать гонять жужжащую братию, как все открытые участки тела осаждали сотни кровопийц. Славка дождался, когда приметная звезда,двигающая у края небосвода, зависнет над рекой, чтобы поменяться сменами.

Он разбудил Ваську, слегка попинав его. Напарник никак не мог прийти в себя. За пару с небольшим часов сна организм еще не успел восстановить силы.

– Уже? – Васька сел, широко зевнул и прихлопнул на лице комара.

– Уже. Я и так дал тебе поспать больше, чем надо. Иди наверх, там прохладнее и комаров больше, не уснешь.

– Ага. – Напарник, кряхтя и вздыхая, поднялся, замер с закрытыми глазами, постоял, затем медленно покарабкался вверх по насыпи.

– Не спать, отлуплю, – предупредил его на всякий случай Славка.

– Не буду, – буркнул Васька. – Проснулся уже.

Командир небольшого отряда беглецов лег на еще неостывшую постель из веток, на которой спал его товарищ. Это была первая ночь на свободе за последние несколько лет. Несмотря на то, что ветки и простилающий под ними щебень упирались в тощее тело, спалось сладко. Утро наступило неожиданно быстро. Славка проснулся от режущего глаза сквозь веки яркого света. Его напарники, кроме Жоры, собирающего ветки для костра, лазали по реке, собирая беззубок.

– Утро, – поприветствовал командира Жора.

– Чет я разоспался, – недовольно признался Славка. – Как обстановка?

– Тишина. Там, где ночью горели огни, теперь поднимается дым. Думаю, там живут трюсы.

Командир прикрылся рукой от солнца и посмотрел туда, где ночью видел огни. Там в небо поднимались три густых дымных хвоста, говорящих о каком-то производстве. Точно сказать, что это могло быть, невольничий рынок или безопасная зона для необращенных, Славка не мог. Кузницы, ректификационные колонны и печи для обжига кирпичей существовали и там, и там.

– Ветки только сухие в костер клади, – посоветовал он напарнику. – Увидят дым, сразу поймут, что это мы. Наверняка уже все трюсы на ухах из-за нашего побега.

– Конечно, я же не тупой. Кладу самый сушняк. А это точно, теперь скажут, вот, видите, кто эти твари, убийцы, и ничто их не исправит. Им же разбираться не надо, проще предположить самое очевидное. Злые ребята не сдержались и заставили куратора посмотреть себе в глаза, отчего тот растворился в воздухе. Мы к ним всей душой, а они вон че, убивают нашего брата. Необращенного только могила исправит. А вот тебе, Славка, не кажется странным, что мы умираем как обычные люди, а они исчезают бесследно? Такое ощущение, что природа не хочет принимать их в себя, – Жора озвучил ходившую среди обращенных идею, что исчезновение обычных людей под воздействием черного спектра – это желание природы избавиться от существ, которым больше нет места на Земле.

– Не кажется. Их и так загнали под колпаки, давая понять, что этот мир больше не для них. Трюсы пока этого не поняли или боятся понять, вот и творят со страху разную дичь. Будь я на месте того, кто управляет черным спектром, убрал бы безопасные зоны, чтобы прекратить ненужную агонию.

– Ну-ка помоги. – Жора приготовился добывать огонь.

Славка прижал сверху деревянную палочку, а его товарищ принялся привычно крутить ее, добывая огонь трением. Через несколько минут напряженного труда потянуло дымком. Славка пригнулся и начал активно раздувать тлеющие древесные волокна. Огонек вспыхнул. Вскоре разгорелся костер. «Рыбаки» вернулись с богатым уловом устриц. Пока их готовили, Морда пробежался до лесной опушки и вернулся оттуда с букетом сурепки, цветущей мелкими сиреневыми и белыми цветочками.

– Это на салат, – пояснил он.

Нежное зеленое растение с ярким вкусом часто использовалось в пищу необращенными во время полевых работ. В качестве дополнения к устрицам, имеющим болотный запах, оно подходило идеально.

– Как пойдем дальше? – поинтересовался Пятак. – По железке или вдоль речки?

– Надо подумать, как безопаснее. – Славка пока и сам не знал, какой маршрут лучше. – Если они не знают, как мы идем, то оставят наблюдательные посты на хорошо просматриваемых местах. Они уверены, что мы будем избегать дорог и прятаться.

– Помните, когда с нашего рынка сбежали два парня с девушками, их нашли, когда они зацепили растяжку с сигнальной миной, – напомнил Пятак о событиях двухлетней давности. – Они тогда думали, что бежать по оврагу хорошая идея, что он скроет их от ненужных глаз.

– Да, согласен, выбирать очевидные пути не стоит. Никаких оврагов и лесных тропок. По реке, наверное, тоже идти больше не стоит, можно наткнуться на кого угодно, да и петляет она сильно, дорогу удлинит. Пойдем вдоль путей, ближе к лесу, если заметим опасность, спрячемся в нем. Железка обязательно приведет нас в какой-нибудь крупный поселок или даже город. Если понравится, можно будет остановиться в нем на какое-то время. До жути интересно посмотреть на настоящие города. Мать говорила мне, что поселок в безопасной зоне, в котором мы жили до того, как меня сдали на рынок, просто трущобы по сравнению с городской архитектурой. Там улицы широкие для машин, столбы со светом, дома в пятнадцать этажей и даже выше.

– Слушай больше, – фыркнул Морда. – Это у них ностальгия по тем временам, когда они правили миром. Раз в пять убавь их брехню и будет как надо. Сколько мы этих домов порушили, и ни одного не было больше пяти этажей, и тех всего два.

– Так мы и в городе не были. Все какие-то поселки.

– Зачем такие высокие строить? А если обрушится? – Пятак склонился к точке зрения Морды.

– Не обрушится, тогда умели строить, – заступился за строителей из прошлого Славка. – И хватит мне тут спорить.

Мальчишки, обжигаясь о створки устриц, выгрызали из них съедобную плоть, заедая ее травой. Им непривычно было питаться не по времени, и не в столовой рынка, оттого еда, добытая самостоятельно, казалась во много раз вкуснее. Ели молча, хлюпая носами да растирая по лицу золу, прилипшую к устрицам.

– Реки надо держаться, – заключил Морда и бросил очередную объединенную устрицу в огонь. – Что мы в городе есть будем? Кирпичи?

– У реки опасно, – металлическим голосом отрезал Славка. – В три счета словят. Они же ищейки лучше, чем мы беглецы.

– Пацаны. – Пятак привстал и медленно указал рукой в сторону, откуда они вчера пришли.

Вдалеке по обе стороны реки двигались две группы людей по направлению к железнодорожному мосту. До них было всего километра полтора или два, но уже с такого расстояния можно разглядеть у них собак и повозки с зонтиками, буксируемые людьми. Сомнений никаких, эти люди искали беглецов. Фокус с речкой задержал их ненадолго. В этой ситуации предпринимать что-то было уже поздно, следов под мостом они оставили достаточно, чтобы собаки

взяли след. Спускаться к реке тоже поздно, их непременно увидели бы. Оставалось только бежать, прикрывшись от взгляда железнодорожной насыпью.

– Недолго музыка играла, – с досадой произнес Славка. – Давайте за насыпь.

Он подтолкнул Морду перед собой. Тот, хоть его и поразил страх, сообразил, что надо идти пригнувшись, чтобы мелкая поросль ивняка скрывала их от преследователей. Остальные последовали его примеру. Славка ушел последним. Бросил напоследок взгляд в сторону приближающихся ищек. Каждая из групп насчитывала человек десять. Трое запряженных обращенных, остальные вооруженные различным оружием трусы. Кроме бегства и хитрости противопоставить им было нечего.

Члены команды с нетерпением ждали командира за насыпью, находясь на низком старте.

– Погнали, – скомандовал он.

Пятерка, сверкая подошвами ботинок, сорвалась с места. Бежать без прицепа было легко. Хороший сон, ужин и завтрак позволили организму восстановить силы. Прохладный утренний воздух охлаждал тело, не давая выступать поту. Они сами были невесомы, как воздух и резвы, как ветер. Бежали долго, не оборачиваясь, веря, что смогут увеличить разрыв на многие километры. Тому имелись веские основания. Группы ищек были привязаны к зонтикам, которые тащили голодные и слабые рабы с рынка. Они не могли развить большую скорость, потому что в телеге находился тяжелый генератор, вырабатывающий ток от вращения колес.

Опасность представляли собаки, их могли отпустить после того как они взяли бы след.

– В лес! – скомандовал Славка.

– Зачем? – одним выдохом спросил Жора.

– За палками... от собак.

Из леса они выскочили через несколько минут, вооруженные дубинками разных форм и размеров. Примитивное оружие придало им смелости. Через пару километров Славка скомандовал остановку, чтобы перевести дыхание и осмотреться. Они остановились, тяжело дышали и сплевывали пересохшие слюны. Славка поднялся на насыпь и выглянул из-за нее. На обозримом расстоянии никого не было. Он посмотрел вдоль путей в обе стороны. Чисто. Впереди часть рельс отсутствовала, что могло косвенно указывать на расположенную поблизости общину.

Славка вернулся к товарищам.

– Ну, чего? – нетерпеливо поинтересовался Васька.

– Ничего и никого. Впереди рельсы сняты, думаю, рядом живут люди, нужно быть осмотрительнее. Давай, Васька, убегай вперед на сто метров. Мы будем держаться от тебя на расстоянии.

– А почему я? – опешил товарищ.

– Все будем, по очереди, как на посту. Увидишь опасность, поднимай руку, вот так. – Славка показал согнутую в локте руку. – Если уже поздно показывать, просто падай, мы пойдем.

– Страшновато одному, – признался Васька.

– А слепым всю жизнь прожить не страшно?

Товарищу ничего не осталось, кроме как тяжело вздохнуть и легкой трусцой отбежать вперед на требуемое расстояние. Удовлетворившись дистанцией, Славка отдал приказ бежать остальным. Васька часто оборачивался, словно боялся, что его бросят, пока командир не показал ему кулак.

– Вперед смотри, дятел, – сопровождал он негромким ругательством свой жест.

Васька понял его правильно, больше не оборачивался. Они пробежали в темпе легкого бега не меньше часа. За это время пересекли две дороги, ведущие в лес, причем по одной из них совсем недавно проезжал транспорт на железных колесах, который тащили за собой быки. Морда нашел на обочине дороги остро пахнущий окурочок.

– Тыфу, пахнет, как та гадость, которую курят трусы, чтобы ненадолго обмануть черный спектр. – Его лицо скривила гримаса отвращения.

Славка взял окурок и тоже понюхал. От него пахло дымом наркотической травы и табаком. Необращенные иногда использовали это сочетание трав, чтобы противостоять излучению без помощи техники. В вяленый табачный лист после ферментации заворачивали траву, скручивали в трубочки в палец толщиной, затем сушили в тени, а после резали на несколько частей чуть длиннее пальца каждая. Те, кто курил их, обычно теряли над собой контроль, отчего их глаза становились безумными и пустыми.

Славка растер окурок и притрусил им следы за собой.

– Это что за колдовство? – поинтересовался Жора.

– Собак сбиваю со следа. Эта гадость с очень резким запахом, думаю, на какое-то время отобьет у них нюх. – Славка понюхал ладони, скривился и вытер их об одежду. – Дрянь.

Команда беглецов еще раз перевела дух, после чего Славка отправил в дозор Жору. Этот час бега дался им сложнее. Большая часть дороги выдалась на подъем, да и сил немного поубавилось. Зато сверху проще было оценить ситуацию. Славка забрался на растущий у дороги ясень и с его вышины огляделся. Мост и река скрылись за горизонтом. Он видел только лес с проплешинами полей, извивающееся полотно насыпи да редкие дымы, выдающие человеческие поселения.

Преследователей он не увидел, как ни всматривался. Их расчет на скорость оказался верным. Еще Славка знал, что собаки лучше идут по следам ночью, потому ищейки могли не спешить, зная, что беглецы все равно выдохнутся и остановятся на отдых. Сориентировавшись по дымам, Славка мысленно проложил маршрут вдали от них.

– Никого, – сообщил он товарищам, спустившись с дерева, в ответ на их вопросительные взгляды. – Но это не значит, что они отказались от погони. Просто нам можно пока не бежать. Я пойду первым. Следите за тылом на всякий случай. Если что, свистите, только негромко.

Он отбежал вперед на сто шагов и пошел пешком. В одиночестве идти оказалось немного волнительнее, чем в компании. В каждом кусте мерещилась человеческая фигура. Надо было держать волю в кулаке, чтобы страх не перерос в легкую панику. Он же не трус, для которого страх главное чувство. Славке пришлось подавлять желание обернуться, чтобы не показать товарищам свою слабость. Они верили в него, и не стоило сеять в их веру сомнения.

Славка замер у раскидистой, как куст, дикой яблони с зелеными плодами. Ему показалось, что впереди в кустах чилиги, разросшейся по краям насыпи, произошло какое-то движение. Он поднял руку, давая сигнал команде остановиться. Скорее всего, это было животное, использующее железнодорожное полотно для собственного удобства. Славке пришлось обратиться в зрение и слух, чтобы снова заметить движение цветущих кустарников, не согласованное с остальными.

Кусты еще раз шевельнулись у самой вершины насыпи, и из них на открытое пространство выбралась недолинявшая с весны волчица, и с ней два игривых щенка, пытающихся поймать зубами хвост матери. Волчица подняла нос и заводила им, принюхиваясь. Ветер дул от Славки в ее сторону. Она повернулась к нему мордой и задержала пристальный взгляд, оценивая опасность. Славку прошиб пот. Волки стайные животные, а это значило, что остальные сородичи находились где-то поблизости.

Он обернулся. Его напарники тоже увидели волчицу и присели в траву, поверх которой торчали только их головы. Славка осмотрелся в поисках удобного дерева, куда можно было без проблем взобраться, если волки решат напасть. Он не увидел ни одного подходящего и испугался еще сильнее. В самый пик страха он вдруг снова услышал слабый голос:

– Успокойся. Волки чувствуют страх, не провоцируй их. За насыпью их больше двадцати, но они идут по своим делам. Возьми себя в руки и успокойся.

– Ладно, я попробую, – произнес вслух Славка.

- Не пробуй, ты хорошо умеешь это делать. Будь спокоен, дыши ровно.
- Я поп... я спокоен. – Славка глубоко вдохнул и медленно выдохнул через нос.
- Правильно делаешь. Ты сильнее, чем думаешь о себе.
- А вы кто?
- Меня зовут Максим. Я твой друг.
- А кто вам про меня рассказал?
- Никто. Я сам тебя нашел. Ты тот человек, кто рожден менять историю.
- Ой, нет, вряд ли. Нам бы сбежать от ищеек. – Славка напугался громкого статуса, которым его наградила голос Максима.

– Они отстали на полдня пути, потому что взяли след и теперь не торопятся. Окрестные селения предупреждены о вашем побеге, но если ты сможешь поддерживать со мной связь, то я буду предупреждать вас обо всех ловушках и засадах.

– Спасибо, – Славка искренне поблагодарил неведомого Максима. – Нам это очень нужно.

– Волки ушли, – произнес голос.

Славка посмотрел на насыпь. Там уже никого не было. Страх сразу же улетучился, а с ним и голос Максима. Как ни старался он услышать его снова, ничего не получилось. Славка решил, что для общения требуется особое состояние вроде страха или нервного возбуждения. Как просто так вызвать их у себя, он не знал, а потому понадеялся, что услышит его в следующий раз, когда снова придется переживать.

Выждав еще пять минут, чтобы окончательно убедиться в том, что волчья стая ушла, Славка двинулся дальше. Знакомство с Максимом, даже такое условное, придало ему смелости. Какая-никакая, а протекция. Он легко убедил себя, что сможет путем тренировок научиться слышать голос постоянно. Максим представлялся ему каким-то всемогущим человеком, матерым обращенным, который покровительствует им ради искоренения несправедливости. Славка пожалел, что не успел узнать, в какую сторону им надо идти, чтобы попасть туда, где их не достанут трюсы. В следующий раз он зарекся начать разговор именно с информации об этом месте.

После полудня начался зной. Марево горячего воздуха, поднимающегося от поверхности, искажало картинку, мешая разглядывать возможную опасность. Славка поначалу обильно потел, но потом в организме как будто закончилась жидкость. Пот высох и больше не выступал. Воздух замер, как перед дождем, стало душно. Открылась невероятная жажда. Пришлось уйти в лес, где не палило солнце, и воздух казался чуть прохладнее.

Здесь можно было не выдерживать большую дистанцию между дозорным и основным отрядом. Славка подождал товарищей, чтобы пообщаться.

– Пить охота. – Морда упал на землю и закрыл глаза. – Кишки сохнут.

– Реально, без воды быстро потеряем силы, – согласился с ним Пятак. – Хоть бы ручеек какой-нибудь найти.

– А как мы ее найдем? Можно весь день потерять, но не найти. – Славка развел руками, понимая, что именно от него хотят услышать достойный план. – По кабаньим тропам, что ли?

– А что, животные обязательно на водопой ходят, – подтвердил Жора. – Надо теперь отыскать кабаньи тропы, чтобы найти водопой.

– Сложно как-то. Может, проще забраться на дерево и посмотреть, в какой стороне река? – предложил Морда.

– Не проще. Это надо на самую макушку лезть, да и то не факт, что увидишь реку. Идемте глубже в лес, там обязательно наткнемся на ручеек или родник, – сказал Жора.

Славка согласился с ним. Жажда не оставляла времени на долгие размышления. Команда двинулась в глубь леса, держа наготове палки на случай нападения диких животных. Лесная чаща воспринималась ими, как чужая территория, на которой правят иные законы и где им не

особо рады. После проживания на невольничьем рынке у них выработался условный рефлекс, что человеческая территория – это поля, их надо обрабатывать, сами рынки и безопасные зоны, там жили необращенные, остальное – опасное для жизни царство дикой природы. Даже дороги, в прошлом соединявшие населенные пункты, теперь считались звериными.

Славка порывался рассказать товарищам о голосе, который назвался Максимом, но каждый раз его что-то останавливало, как будто не стоило этого делать. В итоге он передумал. В глубине леса воздух казался совсем неподвижным. Влажность и духота вызвали ощущение не проходящей липкой потливости. Воды все не было, как и следов животных, по которым можно было выбрать направление. Спустя час блужданий Славка понял, что они окончательно потеряли все ориентиры и теперь понятия не имеют, в какую сторону идти. Они заблудились. Осознание этого отняло последние силы.

Морда начал ныть и всячески саботировать движение. Славка терпел это, но потом не выдержал и двинул ему кулаком в ухо. Товарищ закрыл ухо ладонью и завопил, будто его ему отрезали.

– Да заткнись ты, блин! – Командир не выдержал и пнул Морду под зад.

Где-то вдалеке в этот момент гроыхнул гром. Морда тут же затих и прислушался, убрав руку от уха.

– Гром? – переспросил он. – Или взрыв?

– Радуйся, твое нытье услышано, больше похоже на гром, – резко произнес Славка, негодуя из-за поведения товарища.

Из-за крон деревьев увидеть наступающий дождевой фронт было невозможно. Однако когда по верхушкам деревьев прокатилась прохладная волна ветра, несущего запах дождя, сомнения в нем отпали. Раскаты грома приближались. Ребята не боялись оказаться застигнутыми дождем в лесу, зная, что на открытом пространстве это гораздо опаснее.

Шуршание дождя, мгновение назад доносившееся со стороны, накрыло команду беглецов. С веток полетели крупные капли. Мальчишки ловили их открытыми ртами, понемногу успокаивая чувство жажды. Дождь и гром какое-то время усиливались. Молнии сверкали совсем рядом, а грохот стоял такой, что закладывало уши. Затем дождь начал быстро слабеть и вскоре удалился. Капли еще долго падали с веток на радость промокшим до нитки ребятам.

Духота ушла. А когда снова выглянуло солнце, стало понятно, что дело движется к вечеру. В каплях влаги застыл золотой отсвет вечернего солнца.

– Интересно, ищейки потеряют след после дождя? – спросил Пятак.

– Наверное. – Славка пожал плечами. – Они и после табака должны его потерять. Нам бы теперь нечаянно самим на них не выйти. Мы как будто сами потерялись, пацаны.

– Нет, Слав, не потерялись, потому что конкретно никуда не шли. Какая разница, где торчать, есть, что перекусить, и ладно. До морозов можно бегать спокойно.

– Согласен. – Славка огляделся. – Я бы чего-нибудь перекусил.

Утолив жажду, организм потребовал калорий. Беглецам лесная пища была незнакома. За все время, что они провели на рынке, их пару раз отправляли на заготовку древесины, и питались они тогда только приготовленной на огне пищей, кашей-размазней со следами мясного бульона. В поле можно было найти дикий лук, щавель, землянику, изредка съедобные грибы на местах деревенских ферм, тайком выпотрошить пшеничные или ржаные колоски.

Более опытные рабы, которых чаще использовали для работы в лесу, рассказывали о ядовитых грибах, от которых умирали в страшных муках, о ядовитых ягодах, манящих аппетитным видом, и других опасностях. Из-за этих рассказов Славка чувствовал себя в лесу зажато, боялся сделать роковую ошибку, поддавшись слабости. Он хотел снова выбраться на какую-нибудь дорогу, чтобы оказаться в привычной среде, хотя и понимал, что их там будут караулить.

– О, грибочек. – Васька разглядел под листвою бугорок, из-под которого едва выглядывал розовый бочок какого-то гриба.

– Нет! – Славка остановил его на полпути. – Отравимся. Только не грибы.

– А чего тут еще есть? – обиделся товарищ. – Кору с деревьев глотать, как зайцы?

– Посмотрим. Голодная смерть нам еще не грозит. Идемте дальше.

Команда направилась туда, куда повел их бывший бригадир. Славка отдался интуиции, потому что ему не хватало знаний, чтобы рассуждать логически. Ему очень хотелось снова услышать голос Максима, чтобы тот подсказал безопасный маршрут, где можно еще и перекусить. Как он ни тужился, пытаясь сосредоточиться для контакта, ничего не получалось. Жора заметил состояние командира, которое показалось ему не совсем нормальным.

– Тебе плохо? – прямо спросил он.

– А? Нет. – Славка растерялся. – Голова немного кружится, наверное, с голодухи.

– Надо было тот гриб попробовать. Вдруг съедобный?

– А вдруг нет? Сгнием тут без всякой пользы из-за того, что не умеем терпеть.

– Да, пожить-то на свободе очень хочется, – согласился Жора. – Ну, ты, если что, червячков покопай, если прижмет.

– Всё нормально, Жор, потерплю. Я без еды неделю в карцере прожил и не сдох.

– Ну, раз так, хорошо.

Славка отложил бесполезные попытки контакта, чтобы не вызывать подозрений в своей нормальности у команды. Вместо этого сконцентрировался на маршруте, внимательно смотрел под ноги и вообще по сторонам. Пока они метались как слепые котята, дикие звери наблюдали за ними, оценивая исходящую от людей опасность.

В лесу темнело быстро. Сквозь кроны еще просвечивало синее небо с желтеющими облаками, а сумрак под деревьями становился все гуще. Еще немного и надо озаботиться местом для ночлега. Спать на сыром категорически не хотелось, а те полянки, что попадались на пути, были пропитаны чавкающей под ногами сыростью. Но ничто не сулило иного выбора, кроме сырой постели. Славка уже решил остановиться, наломать еловых лап, стряхнуть с них влагу и сделать постель, но ему вдруг почудился болотный запах. Он поводит носом.

– Кто-нибудь чует, как болотом тянет? – спросил он у товарищей.

Морда, все еще обиженный на командира, насупился и не ответил. Пятак поводит носом.

– Да, есть такое. Тут запросто могут быть болота. Не лучшее место для ночлега рядом с ними, комарье достанет.

– Пятак прав, у болота делать нечего, – поддержал его Жора.

Ветерок донес до слуха лягушачий хор. Вопреки тому, что сами только что утверждали, ребята прибавили ходу в сторону звуков. Лес скрадывал звуки, водоем оказался гораздо ближе, чем они предполагали. И это было не болото, а лесное озеро, обильно поросшее по берегам рогозом. Форма его представляла почти идеальный круг метров семидесяти в диаметре. В озеро не впадало и не вытекало ни одной речушки. Видимо, подпитывалось оно талыми водами и родниками.

Над рогозом роились клубы мошкеры, которые на всем лету пронизывали пернатые мухоловки. На толстых стеблях рогоза сидели яркие стрекозы. Воздух сотрясало тысячеголосое пение невидимых птиц. Безмятежную поверхность воды тревожили частые всплески резвящейся рыбы.

– Вот она, жратва-то, – плотоядно облизнулся Морда. – Только как ее достать?

– Слушайте! – Жора хлопнул себя ладонью по лбу. – Я же помню, как в детстве отец кормил меня корнями рогоза.

Он направился к зарослям. Скинул обувь и вошел в жидкую грязь по колено. Дернул за стебель и вытащил его из воды. На кончике оказалась мясистая белая плоть. Жора смело откусил ее и принялся жевать, прикрыв глаза от удовольствия. Остальных упрашивать не при-

шлось. Команда кинулась к воде и принялась выдергивать стебли. Корни действительно оказались съедобными, сладковатыми и хрустящими.

– Их можно жарить на огне, и тогда будет еще вкуснее, – поделился Жора.

Решили остаться на ночлег в окрестностях озера. По виду человека здесь не было давно. Ни одного следа найти не удалось, хотя по кругу обошли несколько раз, чтобы убедиться в этом. Попались только следы животных. Многочисленные отпечатки кабаньих, косульих и лосиных копыт, экскременты и даже следы схваток. Славка вырыл в земле у берега яму, дождался, когда ее затянуло водой, и попил из нее, как только улеглась муть.

– Ночевать будем в лесу, – сообщил он команде. – Рядом с озером. Разведем огонь, чтобы мошкар не лезла.

Найти в сыром лесу сухие дрова оказалось непросто. Уже совсем стемнело. Сухие ветки ломали с деревьев, определяя их на ощупь. Чтобы добыть огонь, пришлось вертеть палочку по очереди в течение получаса. Измотались и почти решили бросить напрасный труд, но в последний момент появились красные пятнышки тлеющей древесины. Их раздули, и вскоре на небольшом костре вся команда запекала корни рогоза. Вкус их напоминал сладость замороженного картофеля, которым нередко кормили на рынке, только на свободе он казался намного приятнее.

Наевшись досыта, ребята заклевали носами. Славке и в эту ночь пришлось заступать дежурить первым, потому что он не был уверен, что кто-то кроме него сможет выдержать это испытание. Ночной лес наполнился звуками. Гуляющий по верхушкам ветер заставлял деревья скрипеть стволами. Кричали и ухали ночные птицы, падали сломанные ветки, напоминая шаги приближающихся зверей. Первоначальное желание сна пропало у Славки после того, как несколько раз ему показалось, что рядом кто-то есть. Это было невыносимо неприятное ощущение, вызывающее трусливую реакцию организма. Он прислонился спиной к стволу дерева и держал перед собой палку на вытянутых руках, чтобы ночной хищник напоролся на нее.

Страх снова открыл ему способность слышать голос.

– Не пугайся, вокруг вас никого опасного нет. Ни людей, ни животных. Можешь спать спокойно, я посторожу, – предложил Максим.

– Нет, не буду. У нас дисциплина, надо отстоять свою смену, – ответил Славка.

– Тоже правильно, мягкотелость нигде не в почете, – поддержал его голос Максима.

– Я это, хотел узнать у вас, куда нам надо идти, чтобы попасть туда, где мы будем в безопасности. – Славка вспомнил про свой зарок.

– Отсюда мне будет трудно объяснить вам, куда идти. Вы шли правильно, когда выбрали в качестве направления железную дорогу, но там сейчас опасно. Вас ждут.

– Я так и думал.

– Если бы ты мог меня слышать постоянно, я бы направил вас. Пока что могу подсказать путь только до ближайшего ориентира. Утром выбери направление, чтобы солнце было у тебя справа. Пройдете часа два и выйдете на автомобильную дорогу. Затем идите по ней, изначально выбрав сторону, в которой будет солнце. Никуда не сворачивайте до самого вечера, пока не окажетесь в районе небольшого города. Там переночуйте, а дальше, я надеюсь, ты снова сможешь услышать меня.

– Спасибо, так и сделаю, – пообещал Славка.

– Ты чего бубнишь, как ненормальный? – недовольно пробурчал Жора, разбуженный односторонним диалогом командира. – Мозги набекрень от страха съехали?

– Че, не спится? – язвительным тоном поинтересовался Славка. – Раз не спится, становись на часы.

– Нет, ну правда, чего ты бубнил как сумасшедший? Кого благодарил? Или ты того, как все трусы, решил себе воображаемого защитника создать? – Жора сменил тон на более мирный, но не отказался от идеи удовлетворить свое любопытство.

– Не твое дело.

– Ты реально слышишь голоса? – не унимался товарищ.

– Голос. Пацанам смотри не пикни, – суровым тоном предупредил его Славка.

– А если это уловка?

– Чья? Трусов? Откуда у них на хрен такие уловки? Наши это. Давай дежурь, а то меня уже срубает. – Славка улегся на нагретую постель из еловых веток и подтянул под себя ноги.

Жора нашарил в темноте недоеденный с вечера запеченный корень рогоза и громко захрумкал им. Славка хотел сделать ему замечание, но сил открыть рот у него уже не было. Он уснул мгновенно, не обращая внимания на корявую и колкую постель.

Утром командир беглецов проснулся оттого, что нос раздражал едкий дым. Товарищи проснулись раньше него и развели костер. Рядом лежала целая гора свежих стеблей рогоза. Морда отламывал от них съедобную часть и нанизывал на пруток.

– Остальные где? – спросил Славка, не увидев больше никого.

– Рыбачат в кустах. В этом озере рыбы просто тьма тьмущая. Я пока рвал стебли, мне раз пять в ногу кто-то ткнулся. Рыбы, наверное. – Он посмотрел на командира, чтобы тот подтвердил, что это действительно могли быть рыбы.

– Наверное. Хотя могли быть и водяные или русалки. Я слышал, что в забытых человеком местах всякая нечисть заводится. Не слышал ничего подозрительного? – понизив голос, интригуяюще спросил Славка.

– Слышал, – согласился Морда, выпучив при этом глаза от страха. – Кто-то ходил рядом всю ночь и вздыхал.

– А я тебе говорю, там, где людей давно нет, обязательно заведутся нечистые, – нагнал жути на товарища Славка.

– А что они могут?

– Им ради потехи хочется издеваться над нами, пугать, щекотать, влюблять.

– Влюблять? – Морда решил, что товарищ оговорился.

– Да, влюблять. Русалки, говорят, очень красивые. Один раз увидишь – не забудешь никогда, то есть, пока кони не двинешь.

– Откуда ты вообще это взял? – Морда насупился, не хотел верить Славке и принялся с двойным усердием ломать стебли рогоза.

– Мать рассказывала в детстве. Правда, это называлось кино, и его показывали на больших экранах.

– А-а-а, кино. – Морда облегченно выдохнул. – А я чуть не поверил. Хотя... шаги слышал.

– Это не шаги, это ветер ломал сухие ветки.

– Правда? Блин, я как-то не подумал.

Со стороны озера раздались довольные вопли Жоры и Пятака. Славка поднялся и направился к ним. Причиной радости ребят оказалась удачная рыбалка. Забравшись в заросли рогоза, они обнаружили живших там карасей, которым трудно было сбежать от них в замутневшей воде. Ребята ловили и выбрасывали их на берег. Около десятка рыб, размером раза в два больше ладони, бились на берегу. Славка откинул их еще дальше, чтобы они не вернулись в озеро.

– Хватит, больше нам не съесть, – остановил он охотничий азарт товарищей. – Любите природу, и она ответит вам взаимностью, – процитировал мысль, вычитанную из какой-то старой книги.

– А когда мы в следующий раз сможем поесть? – поинтересовался Жора.

– Как возникнет нужда, так и поедим, а пережрешь – идти не сможешь, не говоря о том, если придется бежать. Вылезайте, – скомандовал Славка.

– А может, задержимся тут на денёк? – предложил Пятак.

– Какое задержимся? – Командир беглецов покраснел от возмущения. – У нас на хвосте ищейки с собаками. Все окрестные лагеря оповещены о нашем побеге, а ты предлагаешь сидеть и набивать брюхо. Тебе что, глаза вдруг стали без надобности?

– Нет. – Пятак понуро выбрался из воды, нервно расталкивая кусты рогоза.

– А Васька где? – спросил Славка у Жоры.

– Срать пошел.

– Куда?

– Туда. – Жора показал рукой на противоположную сторону озера.

– А чего ему тут-то не сралось? – Славке не понравился необдуманный поступок товарища.

– Он очень воспитанный засранец, – пошутил Жора.

– Ладно, идите, я его тут покараюлю, заодно искупнусь.

Жора отломил ивовый прут и принялся безжалостно продевать на него карасей через глаза. Пятак поморщился и отвернулся, не выдержав жестокого зрелища.

– А как ты хотел? – усмехнулся Жора. – Сами они не придут к костру и не запекутся. Не хочешь подохнуть с голоду, будь готов убивать. Жалко – поплачь.

Славка снял с себя одежду и медленно вошел в остывший за ночь водоем. Миновал илистое дно, в которое неприятно погружались ноги, оттолкнулся от него и поплыл. Он быстро привык к температуре воды, но местами ощущались поднимающиеся со дна родники, обжигающе охлаждающие тело. Славка несколько раз нырнул с головой и попытался достать ногами дно, но не смог. Вода с глубиной стремительно холодела и темнела, и казалось, что под ногами скрывается бездна. Суеверный страх заставил его скорее окончить купание.

Одновременно с тем, как он выбрался на берег, появился Васька. В руках он держал предмет, похожий на огнестрел.

– Славка, там охотничий домик, а внутри кости, и рядом лежала эта штука. – Он направил предмет в ту сторону, откуда пришел. – Правда, ржавая.

Славка взял из его рук огнестрел и осмотрел. Он видел подобные вещи не раз, это было обыкновенное ружье с двумя горизонтальными стволами. Командир беглецов попытался сдвинуть рычаг, переламинающий стволы, но не смог, механизм сильно заржавел.

– Это ружье, – пояснил он Ваське. – А патронов к нему не было?

– Эти? – Васька вынул из кармана несколько разноцветных трубок с латунной окантовкой с одной стороны.

Желтый металл покрылся окислами.

– Они самые. А ничего интересного там больше не было? Судя по состоянию, предметы пролежали лет десять.

– Да я не смог там долго находиться. Боюсь покойников, да еще и крыша в доме собиралась обвалиться. Вдруг прихлопнула бы.

– Ты хоть сделал то, за чем ходил? – поинтересовался Славка.

– А зачем я... ой, блин, забыл. Из башки вылетело, когда дом увидел.

– Больше не ходи один далеко. Делаем все дела в пределах прямой видимости, – строго приказал Славка.

– Я не смогу, – засмутился Васька.

– Сможешь, Вася, сможешь.

Глава 4

Замес, прижимаясь к земле, как змея, отполз в сторону и огляделся. Выждал несколько минут, чтобы убедиться в том, что его появление осталось незамеченным, и только потом дал отмашку Нике. Девушка с такой же грацией пресмыкающейся выползла из убежища в проти-

воположную от Замеса сторону и дала отмашку Таше. Через десять минут отряд занял круговую оборону. Убедившись, что им ничего не угрожает, Чирок вернулся к входу в тоннель и дернул рычаг, чтобы Шахтер перестал крутить педали динамо.

Тут же барьер дал о себе знать. Замес заволновался и принялся часто тереть лицо и строить гримасы. Ему мерещились бездонные черные тени, похожие на порталы в другой мир, пытающиеся спровоцировать испуг и утащить в ледяную бездну ничто. Они тянулись к нему змеевидными воронками, гипнотически заставляя смотреть внутрь черноты, парализующей волю. Мешала отдаться этому Ника, начинавшая светиться возле барьера зеленой аурой, как маркер для привлечения внимания команды. Ее взгляд будто обрезал вытягивающую сознание струю черной воронки. Замес старался смотреть только на Нику, чтобы не поддаться страху.

Через пару сотен метров давление кристаллического барьера ослабло до приемлемого уровня. Команда сделала привал, чтобы их напарник, самый крепкий и он же самый слабый, восстановил силы. Замес с благодарностью принял этот жест. Он сделал глоток горького напитка из фляги. Внутри нее находился местный эликсир, совокупность травяных настоев, помогающих от физической слабости до лечения пищевых отравлений.

– Я в норме, – сообщил Замес через минуту. – Отрава начала действовать. – Так он называл эликсир за его, мягко говоря, не самые лучшие вкусовые свойства.

Он расслабленно оперся на ствол дерева и улыбнулся.

– Чего лыбишься? – добродушно спросила Уля.

– Представил свою рожу со стороны. – Он немного покривлялся. – Никому не рассказывайте, как я выгляжу рядом с барьером, засмеют.

– Там, где тебя корчит, остальные просто исчезают с диким воплем. – Уля положила руку на волосы Замесу и слегка взъерошила их.

Боец приоткрыл один глаз и посмотрел на девушку из-под ее руки. Многим в команде уже не просто казалось, что между ними начинаются чувства.

– Макар обещал научить нас каким-то песнопениям, ослабляющим влияние излучения, – напомнил Замес.

– Да какие это песнопения. Я однажды слышал, как он издавал звуки, которыми, по его словам, отбивался от черного спектра. Несуразные вопли сумасшедшего. Это как наркотик или алкоголь, изменяющий состояние, помогает, но берет за это плату, в данном случае твоим разумом. Я лучше перетерплю, чем слечу с катушек, – категорично заявил Чирок.

– Где-то это умение могло бы пригодиться, когда нет возможности использовать технические возможности. Например, перемахнуть барьер поверху, – парировала Ника, знающая о способностях некоторых звуков больше остальных.

– Не, вернусь, заставлю Макара подучить меня этому, один хрен смешно выгляжу, так хоть не исчезну, – заявил Замес, как бы походя взял в руки ладонь Ули и посмотрел ей в глаза.

Девушка засмушалась, но ладонь не выдернула, наоборот, присела рядом с ним. В отряде повисла многозначительная пауза, которую нарушил Шепот.

– Ника, расскажи про маршрут.

Командир вынула пожелтевшую бумажную карту, ламинированную затершимся от времени пластиком. Старая карта пестрела символами, обозначающими важные места, нанесенные на нее после предыдущих выходов. В первую очередь – точки Лагранжа, вокруг россыпями крестов обозначались невольничьи рынки. Затем выявленные посты, оборудованные зонтиками. Как правило, такие точки были вооружены огнестрельным оружием, нередко артиллерией или минометами, к которым боеприпасов осталось намного больше, чем к стрелковому оружию. Также были нанесены все места, где отряд нарывался на растяжки, мины или засады. Спасибо Максиму, отцу Ники, подобные места удавалось обнаружить вовремя. Еще места, на которых можно добыть что-нибудь полезное для общины: скопления старой техники, неразграбленные склады и прочее.

Ника указала пальцем место, где они находились сейчас. Это была лесная зона, почти не зарисованная никакими символами. Выбор для рытья подземного хода неспроста пал на этот район.

– Сегодня надо сделать двадцать километров на север, не удаляясь от барьера. Нам вообще надо обогнуть его на четверть и идти на северо-запад. – Она провела пальцем до края карты и дальше.

– Так мы что, пойдем по неразведанным местам? – удивилась Таша.

– Да, придется. Подростки, ради которых мы отправились, находятся почти в тысяче километров от нас. Отец будет вести их и нас навстречу друг другу. Повезет, встретимся на полпути и домой.

– Это же как минимум месяц, – не скрывая возмущения, произнес Чирок.

– Всего месяц, который может изменить нашу жизнь. Мальчишка этот непростой, отец увидел в нем потенциал. Спасем его, возможно, он поможет стать нам сильнее.

– Возможно? – переспросила Уля.

– Да, возможно. Никто не будет заставлять его спасать нас против собственной воли. И вообще, я чувствую, что этот выход для нас всех самый важный. Помните, когда-то все места были неразведанными, а мы совсем мелкими, как этот мальчишка, и ничего, сдюжили. Сколько раз попадали в ситуации, когда казалось, что выхода нет, а выбирались. Выберемся и сейчас. Пока на одну нашу общину приходится сотни общин необращенных, расслабляться рано. Если они смогут объединиться, то сметут нас за один день и памяти не оставят. Страшно жить без будущего, страшно заводить детей.

– Все, все. – Чирок выставил перед собой обе руки. – Вдохновила. Месяц так месяц, ерунда какая.

– А что, батя твой увидел, что паренек способен пройти сквозь поле, за которым шар? – спросил Замес.

История про отца Ники, выбранного волновым разумом и Лидером по каким-то признакам, превратилась в городскую легенду. Там фигурировала прозрачная стена, скрывающая от глаз часть территории, на которой располагалось устройство в виде шара, продуцирующее излучение черного спектра. И Максим, отец-основатель общины обращенных, ради их спасения пожертвовавший физическим телом и общающийся с миром через свою дочь. И история разлада между Лидером и им, похоронившая надежды на скорое объединение всех обращенных под защитными аномалиями.

– Да, увидел. Они начали общаться между собой после побега. Но это случается только в моменты эмоционального напряжения, проще говоря, когда мальчишке становится страшно, – поведала Ника.

– Что за дела, этим миром правит страх, – искренне возмутилась Таша. – Страх погубил мир и его же спасает, а хотелось бы любовь.

Замес и Уля решили, что последняя реплика, камень в их огород, потому что Таша остановила свой взгляд на них.

– Так любовь и спасает мир, как и раньше, – ответила Уля и прислонилась головой к могучей руке Замеса.

Ника посмотрела на влюбленную парочку, и искра сомнения в правильности сделанного выбора слегка кольнула ее неприятными предчувствиями. Знала бы она заранее, что между ними наклеивается амур, не взяла бы их в отряд, или взяла только Замеса. Менять что-то уже было поздно, да и предчувствия не раз обманывали ее.

– Страх – это приманка, на которую человека поймать легче всего, – пояснила Ника. – Не могу представить, что мне должно привидеться, чтобы я испытала такое же сильное чувство любви, доводящее меня до исступления за считанные секунды.

– Просто фантазия не твой конек, – пошутил Шепот. – Я легко могу себе такое представить, а потом уснуть никак не могу.

– Жениться тебе надо, – сочувственно посоветовала Ника.

– Не-не-не. – Шепот выставил перед собой руки. – Я пока не готов. Женатые говорят, что семья похлеще черного спектра высасывает душу.

– Ладно, хватит болтать. Подъем. – Ника встряхнулась. – Шепот, Таша, в дозор.

– Есть, шеф, – Шепот козырнул, затем полез в карман и вынул из него старый компас в пластиковом корпусе.

Повертелся на месте, пока не определился с направлением. Таша тем временем сняла со снаряжения деревянный прут с металлическим штырем-щупом, которым она проверяла подозрительные места на наличие мин.

– Готова? – поинтересовался Шепот у напарницы.

– Как всегда, – ответила она.

Ждать особых проблем в этой части леса не стоило. Все признаки говорили о том, что человека здесь давно не было. Это успокаивало, но не служило поводом расслабиться. Отряд двигался быстро и бесшумно. Даже лоси, заметившие людей в последний момент, кажется, удивились тому, что просмотрели приближение опасности. Первая остановка случилась у реки, упиравшейся в барьер, как в плотину, отчего образовался большой водоем, о существовании которого никто не знал. Из-за большого количества растительного перегноя на дне вода в озере приобрела красноватый оттенок.

Ника зарисовала контуры водоема на карте. Птицы: чайки, дикие утки и дикие гуси были рады появлению озера, оккупировав его просторы. Завидев людей, стая уток поднялась в воздух и закружила над лесом.

– Спугнули. – Ника посчитала, что беспокойство птиц могло выдать их местонахождение вероятному противнику.

Совсем недалеко от того места, где они находились, на карте была отмечена деревня, в которой еще десять лет назад жили десятка два человек, накрывшись зонтиком, питающимся от самодельного ветрогенератора. Шансов покинуть деревню самостоятельно у них почти не было. До ближайшей точки Лагранжа полсотни километров, их проделать в условиях почти полного отсутствия дорог без мощного прикрытие от излучения невозможно.

Шепот и Таша тоже углядели в поднявшейся стае повод повысить бдительность. Они растворились в лесу и некоторое время вглядывались в каждый куст, чтобы заметить подозрительное движение. Ничего не заметив, они пошли вверх вдоль русла реки, чтобы найти брод. Из-за препятствия река стала полноводнее. Там, где виднелись следы старых переездов, первое же измерение дна показало, что глубина изменилась.

– Надо переплыть, – решила Ника. – Это будет быстрее, чем искать брод.

Она дала знак дозорным, чтобы они дождались основную группу.

– Что, решили форсировать? – догадался Шепот.

– Да, так будет быстрее, – ответила Ника. – Надо сделать небольшой плот для одежды и снаряжения и вперед.

Замес без лишних слов приступил к делу. Пригнул к земле небольшую осинку и срубил у корня парой взмахов. Остальные принялись помогать ему. Ника же решила пройти вдоль берега, думая увидеть удобный спуск к реке и подъем на противоположной стороне. Она взяла с собой Улю, чтобы еще и поговорить с ней об их отношениях с Замесом. Девушка сразу об этом догадалась и начала первой.

– Мы давно присматривались друг к другу, но только два дня назад признались в симпатии. Не хотели никому говорить, но чувства не скроешь.

– Я бы не взяла тебя на этот выход, если бы знала, – честно призналась Ника. – Во-первых, мне будет жаль, если что-то пойдет не так и пропадет такая пара. Во-вторых, влюбленные,

как тетерева на току, ничего не видят и не слышат вокруг. Нам сейчас нужнее холодный ум и трезвый расчет.

– Ника, я обещаю, что наши отношения не помешают выходу. Мы не настолько влюблены, чтобы терять голову. А еще мы подумали, что испытания помогут нам лучше разобраться в чувствах, – извиняющимся тоном произнесла Уля.

– Теперь все равно поздно что-то менять. Не вешайся на Замеса на маршруте, иди в стороне, проявляй мудрость и хладнокровие.

– Конечно. Обещаю.

Ника неожиданно схватила Улю за одежду и дернула на себя. Девушка испугалась, приняв этот жест за вторую фазу нравоучений. Однако вместо них командир прижала к губам указательный палец, призывая молчать. Она кивнула в сторону реки. Впереди, метрах в тридцати, от берега до берега протянулась рыбацкая сеть, покоившаяся на поплавах через каждый метр.

– Я не поняла, а как они ловят без защиты? – прошептала Уля.

– И я не понимаю. Может, у нас под носом появился новый рынок невольников?

– Вряд ли, слишком далеко от точки Лагранжа. Да и рыба протухнет по дороге.

– Вернись к нашим, расскажи, что мы тут нашли, и чтобы они не шумели, а я пока покараулю, вдруг рыбаки появятся.

Уля растворилась в низкорослой прибрежной поросли, как тень. Ника устроилась поудобнее и стала ждать. Ей крайне интересно было увидеть, кто же придет снимать сети. Ожидание вышло недолгим. Вскоре на противоположном берегу появились двое загоревших подростков в одних трусах. Никакого зонтика рядом с ними не было. Один из них с ходу забежал в реку и поплыл на другой берег, тот, на котором пряталась Ника.

Второй отвязал край сети от деревца и тоже направился с ним в воду. Когда вода достала ему до подбородка, он поплыл.

– Ух ты, тяжелая! – выкрикнул он, прихлебывая речной воды и выпуская ее изо рта струйкой.

Первый подросток снова зашел в воду и помог другу выбраться на берег. Вместе они выволокли полную рыбы, искрящуюся сеть из воды.

– Вот это да! – Первый задумчиво почесал живот. – За раз не унесем. Придется возвращаться.

– Может, отпустим половину? – предложил второй.

– Сдурел? Ни за что. Староста сказал, если норму сдадим, он сеструхе куклу подарит.

– Из соломы?

– Нет, настоящую, с тех времен.

Ника поняла, что подростки такие же, как и они. Теория насчет невольничьего рынка для обращенных показалась ей более достоверной, чем прежде. Позади себя она услышала шум и резко обернулась. К ней, пригнувшись, подбирался Замес, держа в руках заряженный арбалет.

– Ничего себе, наши, – сразу догадался он, не увидев рядом с пацанами никакой защиты от излучения.

– Да. Рыбу наловили, собираются куда-то нести.

– Что думаешь делать? Уйти или пообщаться?

– Пообщаться. Такой шанс узнать, что происходит у нас под носом.

– А если сдадут? – Замес потер поверхность арбалета кончиками пальцев.

– Мы что, разучились убеждать людей? Обойди их с другой стороны, а я выйду им навстречу, – приказала Ника.

– Ага.

Несмотря на габариты, Замес умел быть бесшумным. Он растворился в кустах, а уже через минуту дал знак Нике, что занял позицию. Ника выдохнула и вышла из кустов. Маль-

чишки сразу же ее увидели и попытались дать стрелкача. Но тут из леса появился могучий Замес и направил в их сторону незаряженный арбалет.

– Не так быстро, рыбаки, – грозно произнес он.

На подростков его внушительный размер произвел парализующий эффект. Они замерли, испуганно глядя то на него, то на Нику.

– Ребята, не пугайтесь, – мягким дружелюбным голосом произнесла Ника. – Мы не делаем вам ничего плохого.

Подростки уставились в землю. Эта привычка всегда выдавала обращенных, живущих среди обычных людей, и вынужденных прятать взгляд, чтобы нечаянно никого не убить.

– Мы такие же, как и вы, можете смотреть на нас. – Ника подошла к ближайшему подростку и сама заглянула ему в глаза.

Он неуверенно и робко задержал взгляд. Ника улыбнулась.

– Видишь, ничего не происходит. Мы одни из вас.

– Из нас? – переспросил паренек.

– Да. Нам не страшен черный спектр, как и вам.

Подростки не знали, что ответить. Видно было, что они слишком напуганы, чтобы адекватно соображать.

– Вы далеко живете? – спросил Замес.

– В деревне, – после небольшой паузы ответил один из мальчишек.

– А таких, как вы, там много? – уточнила Ника.

– Нет, только мы с Костяном. Двое нас таких, – нехотя признался паренек, в котором Ника признала старшего.

– А нормальных сколько? – прямолинейно поинтересовался Замес, получив укоризненный взгляд Ники.

Ответа не последовало. Мальчишки нахмурились и снова уставились в землю. Ника положила подростку, которого друг назвал Костяном, руку на плечо из-за слезшей от обгорания кожи плечо.

– Мы хорошие люди. Мы хотим просто знать, кто живет с нами по соседству. Давайте мы с другом поможем вам за один раз отнести всю рыбу, а вы познакомите нас с жителями деревни, – предложила она.

– У жителей оружие есть? – задал Замес свой вопрос.

– Ну... ножи, топоры, вилы, – перечислил все, что можно было использовать, как оружие, еще не назвавший свое имя подросток.

– Я могу пойти одна, – отозвалась Ника, встретившись с недовольным взглядом напарника.

– Это не дело, командир. Идем вместе. Одного мальчонку отправим в деревню, а второго оставим у нас, чтобы местные не решились на глупости.

– Думаешь, необращенные посчитают его ценным заложником? – спросила у Замеса Ника.

– Посчитают, раз они их рыбой кормят.

– Договорились? – Ника потрепала за руку старшего.

– Договорились, – нехотя согласился тот.

У подростков были с собой складные кожаные ведра, в которые они набрали немного речной воды и сложили в них рыбу. Сеть с оставшейся Никой и Замесом взвалили себе на плечи и направились следом за подростками. До деревни пришлось идти чуть больше километра по цветущему лугу. На подходе к домам их встретило стадо коров, в нем насчитывалось около тридцати взрослых животных, первотелок и телят. Ника прикинула примерное количество жителей, которое должно было раза в два быть больше поголовья стада.

Вблизи деревня показалась вымершей. Все дома стояли без окон или вообще наполовину разрушенные. Мальчишки провели гостей дворами и вывели к странному дому, похожему на самодельные трущобы, выстроенные наскоро ради крыши над головой. Походили они на ласточкины гнезда, прилепленные к стенам двухэтажного дома, из-за которых его почти не было видно.

Необходимость в такой плотной конструкции стала понятной, когда удалось разглядеть над крышей разлапистую конструкцию из ржавого металла, к ней по проводам подавался электрический ток, вырабатываемый теленком, таскающим за собой деревянный рычаг по кругу, приводящий в движение через редуктор большой скрипучий генератор. Рядом с теленком сидела маленькая пастушка, которая, увидев незнакомых людей, быстро сбежала в дом.

– В этом доме живет вся деревня? – догадался Замес.

– Да, так проще прятаться от черного спектра, – подтвердил его догадку Костян. – У нас с запчастями проблемы.

Старший толкнул друга в бок, чтобы тот не болтал лишнего.

– Очень хорошо, что мы встретились, – миролюбиво произнесла Ника. – Мы можем помочь вам с запчастями.

– Вы кто такие? – раздался откуда-то из недр дома мужской голос.

– Мы пришли сюда из-за барьера. Осматриваем окрестности, знакомимся с соседями. Мы с благими намерениями, не пугайтесь нас. – Ника взяла на себя роль переговорщика, чтобы не дать Замесу все испортить.

– А мы не из пугливых. Это вам сейчас надо бояться, потому что вы у меня на мушке, – пригрозил голос.

Ника посмотрела подросткам в глаза и поняла по ним, что человек блефует.

– Мы вам рыбу принесли, – произнесла она. – За что вы нас будете убивать?

– Пацаны, они вам угрожали? – спросил голос. – Только кивните, и я их положу.

Надо отдать должное мальчишкам, они, не сговариваясь, отрицательно завертели головами.

– Видите, мы с добрыми намерениями. Нам ничего от вас не нужно, только поговорить, а там, во время разговора, может, найдем идеи для сотрудничества. Мы заметили, что у вас очень старый генератор, и могли бы предложить вам новее и производительнее. И зонтик сделать такой, чтобы вы могли отходить от дома до сотни метров.

– Да? – выдержав паузу, спросил голос уже не таким безапелляционным тоном.

– Да.

– А что взамен?

– Ничего.

– Как это? Звучит очень подозрительно.

– Давайте поговорим об этом в более располагающей обстановке, – предложила Ника.

– Давай, только твой громила пусть остается на месте, а ты проходи внутрь. Так устроит?

– Вполне, – согласилась Ника, бросив быстрый взгляд на Замеса.

Тот одобрил поступок коротким кивком.

– Только должна сразу предупредить, я такая же, как и ваши мальчишки.

– Я догадался уже, – проворчал голос. – Кто будет без ничего шастать по улице, кроме... – он не договорил, потому что в его лексиконе не было ни одного не оскорбительного обозначения обращенных.

Ника прошла в дом вслед за подростками, точно так же, как и они, упершись взглядом под ноги. В доме смердело. Видимо, все коммуникации находились здесь же из-за невозможности покинуть его. Ника почувствовала любопытные взгляды людей, прятавшихся в комнатах за шторами и дверями. Ее встретил мужчина средних лет, седой и сгорбленный.

– Здорово. Садись. – Он указал Нике на старый стул, который подозрительно закрипел под ее весом.

– Здравствуйте, – поздоровалась гостья, стараясь на всякий случай не двигаться, чтобы не сломать стул. – Мы из-за барьера. Вышли осмотреться, наткнулись на ваших ребят, которые удили рыбу. Познакомились. Узнали от них про вашу деревню и решили еще и с вами познакомиться, установить добрососедские отношения.

– Из-за барьера? – с сомнением спросил мужчина. – Я иначе представлял себе людей, которые там живут. Еще лет двадцать назад, когда все только начиналось, видел одних, жутких, как будто из них душу вынули. Роботы и роботы, нелюди.

– Были и такие, и есть до сих пор, но мы не из их числа. Мы обыкновенные люди, только приспособившиеся к излучению, спрятались за барьер, потому что, сами понимаете, нас не любят.

Мужчина, в котором Ника признала старосту деревни, ничего не ответил. Ника продолжила:

– А я вижу, что вы нормально уживаетесь с ребятами, хотя они тоже не такие, как вы?

– Пришлось, – хмыкнул староста. – Они своих родителей по малолетству отправили на тот свет, а мы их хотели придушить, но рука не поднялась. А потом поняли, что правильно поступили. Излучение становилось все сильнее, а защитный купол все меньше. Чуть подросли, мы стали отправлять их на разные поручения. Теперь трудятся за всех. Рыбачат, силки ставят, коров гоняют, короче, все делают. А мы сидим тут и носа наружу не кажем. Последнего человека не из нашей деревни видели лет десять назад, а то и больше. Тогда еще дорога к нам была и машины ездили. А потом, когда половодьем снесло мост, все, изолировались от мира.

– Ясно, значит, вы не в курсе последних тенденций во внешнем мире.

– Каких тенденций? – Староста напрягся.

– А, неважно, – отмахнулась Ника. – Мы хотели бы ради взаимовыгодного сотрудничества установить с вами хорошие отношения.

– Что делать надо?

– Если в вашу деревню придут необращенные люди из других мест и начнут какую-то активность, мы хотели бы, чтобы вы дали нам знать.

– Необращенные? Хм, а чего им надо будет?

– Ну, у нас давний конфликт на почве отличий, вызванных спектром. Ничего делать особо не надо. Мы вам поставим новый генератор и сделаем простейший радиопередатчик, им воспользуетесь, если в деревне появятся чужаки. А еще мы можем сделать для вас несколько ветрогенераторов, чтобы вы могли прогуливаться. Например, до туалета.

– Заманчиво. А почему ты думаешь, что мы поддержим таких, как вы, а не таких, как мы?

– Ну, во-первых, я рассчитываю на благоразумие. Мы соседи, и было бы спокойнее иметь под боком нормальных. Во-вторых, необращенные, уж извините за этот термин, заберут ваших обращенных пацанов для рабского труда, он сейчас процветает во внешке, и вы останетесь один на один со смертельным излучением. В-третьих, мы готовы вам помогать, а они вынудят вас действовать против нас, возможно, ценой жизни.

– Если они явятся, то вынудят в любом случае.

– Да, но если мы будем знать об этом, то сможем что-то предпринять, чтобы не было напрасных жертв. Мы очень заинтересованы в том, чтобы вокруг барьера находились мирные территории. Война не нужна никому. От человечества уже ничего не осталось, а оно никак не может прекратить убивать себя.

– Человечество, – ухмыльнулся староста. – Я уже начал верить, что все человечество – это наша деревня. А тут вы... огорошили меня.

– Я вас понимаю, трудно осознавать, что обстоятельства поменялись, но лучше, чтобы это произошло заранее, а не когда времени на это не будет. Мы пойдем дальше, не обещаю,

что совсем скоро, но в это лето точно, вернемся к вам еще раз, уже с оборудованием. Ваши дети снова смогут играть на улице.

Староста задумался. Его лоб перерезала широкая поперечная морщина. По сути, ему предлагали что-то вроде предательства тех, к кому он сам относился. Однако он не знал, чего ждать от подобных себе, а тут предлагали реальную помощь, в которой они так остро нуждались.

– Ладно, тащите свои железки, а мы маякнем вам в случае чего. Только не ждите, что будем топить за вас изо всех сил, если придут... ну, наши, типа наши. Нам ведь тоже жить хочется, пусть плохо, но жить.

– Я вас понимаю и ничего такого не требую. Просто дадите нам знать, что в вашей деревне появились люди и все.

– Спасибо, что помогли пацанам рыбу донести. Они у нас скоро хребты надорвут на всех работах разом. – Староста поднялся, давая понять, что разговор окончен.

Ника тоже поднялась и протянула ему руку.

– Приятно было пообщаться.

– Взаимно, – староста неуклюже кивнул.

Ника вышла из «ласточкиного гнезда» и вдохнула свежий воздух полной грудью. Староста, провожающий ее, остался стоять в дверях. Замес махнул ему рукой. Со своей новой игрушкой – арбалетом в руках, он выглядел очень опасным. Ника подошла к нему и обернулась, чтобы помахать старосте на прощание. Вместо него она увидела в каждом окне лица людей, с жадностью рассматривающих их. Ей помахал малыш. Ника ответила ему, послав воздушный поцелуй.

– Надо же, сколько их там, – удивился Замес. – А ты чего-то начала странно пахнуть? – Он пошмыгал носом.

– Странно? Там воняет, как в свинарнике. Они на улицу выходить боятся.

– Если вам надо перейти на другой берег, под кручей стоит плот! – выкрикнул староста.

– Спасибо! – поблагодарила Ника. – Нам надо!

Под заунывный скрежет старого генератора они покинули странную деревню. По пути Ника рассказала Замесу о своем разговоре и обещаниях, данных старосте.

– Ты правильно поступила, – одобрил ее действия напарник. – Хотя у них есть шанс стать одними из нас и больше не думать о защите, которая может подвести.

– Ты про постепенное обращение?

– Ну да. Когда-то этим не брезговали.

– Это когда было. Двадцать лет назад, когда люди еще не разбились на два лагеря. С тех пор между нами пропасть только расширялась. Вот ты бы хотел стать необращенным?

– Ни за что!

– Вот и они так думают. Сотрудничество – лучший вариант для всех.

– Это странно. Они же становятся свободнее после обращения. Это полезный признак для выживания.

– Слишком много сделано для того, чтобы этого не захотеть. И рынки рабов тому самое наглядное подтверждение. У необращенных создается иллюзия, что они высшая каста, а мы – рабы, поэтому можно немного потерпеть неудобства. Хорошо, что эту деревню не тронула подобная идеология, иначе ребятам было бы еще тяжелее.

Отряд возник вокруг Замеса и Ники неожиданно, подтвердив свое умение маскироваться. Уля схватила возлюбленного за руку, словно не видела его целый месяц. Замес вежливо освободился от ее захвата, чтобы лишний раз не нервировать командира.

– Что за деревня? – поинтересовался Шепот.

Ника вкратце рассказал обо всем, что видела и узнала.

– ...у них есть плот, чтобы перебраться на ту сторону. Стоит воспользоваться их предложением, – она кивнула в сторону деревни, закончив рассказ.

– Бедняги, – пожалела их Таша. – Столько лет бояться выйти из дома. Одичали, наверное, совсем.

– Наоборот, одомашнились, – возразил Чирок. – Они теперь ни к чему не годные, балласт.

– Не нам судить, – мягко не согласилась с ним командир. – Раз выжили, значит, что-то умеют.

Отряд направился к деревне. Вернее, к обрывистому берегу, нависшему над рекой. Единственный пологий спуск имелся в ложбине заросшего оврага, по обрыву вела узенькая, едва различимая в траве тропка. Чирок, как самый прыткий боец в отряде, пошел проверить путь. Вскоре раздался его фирменный одобрителный свист, имитирующий пение чирка-свистунка, за которое он получил свое прозвище.

Дно оврага заросло молодой порослью ивы, ветки на пути отряда были обильно опутаны паутиной. На уровне пояса высилась крапива, ждущая неловкого движения человека, чтобы ущипнуть его в открытую часть тела. Во влажных зарослях, где не ощущалось ни дуновения ветерка, стоял непроходящий гул насекомых, от мелкого гнуса до тяжело барражирующих жуков. Под ногами расплзалась в стороны влажная глинистая почва, налипающая на обувь тяжелыми кандалами.

Чирок уже стоял на плоту, держа в руках длинный шест-правило. Он уперся им в дно, чтобы плот подошел как можно ближе к берегу. Замес поднял Улю на руки, чтобы она не замочила ноги, и перенес на борт. Ника с Ташей переглянулись, их поднять на руки было некому. Но Замес и с ними повел себя по-мужски. Встал по колени в воду и, поддерживая за талию, помог девушкам перескочить на плот с минимальными затруднениями. Последним забрался Шепот. Он отвязал веревку, удерживающую плот на берегу, забрал у товарища шест и оттолкнулся им от дна. Тяжелый плот, явно не рассчитанный на подобный вес, хлебнув воды, отчалил от берега.

Когда они отошли на середину русла реки и заросли ив перестали мешать обзору, то увидели обоих пацанят, машущих с крутого берега. Бойцы помахали им в ответ. Видимо, встреча с людьми, похожими на них, произвела на ребят сильное впечатление.

– Я бы забрала их к себе, – произнесла Ника. – Да деревня без них вымрет.

– А староста теперь будет бояться, что они сбегут, – решил Замес. – Так что идея с новым генератором и антеннами для них самый удачный вариант. Пусть сами устраивают свою жизнь.

– А что, если сделать им зонтик, который слегка пропускает? – задумчиво предложил Шепот. – За месяц они все обернутся и станут союзниками поневоле.

– Нет, – решительно отвергла это предложение Ника. – Они же поймут, что мы их обманули, и впредь не будут испытывать к нам никакого доверия. Гораздо лучше подождать, когда они сами придут к этому решению.

– Тогда эту идею надо заронить им в сознание. – Уля постучала по голове указательным пальцем.

– Ой, как звонко, – по-свойски поддел ее Замес.

– Но-но, без намеков. – Уля манерно повела глазками, делано обидевшись.

Замес попытался обнять ее сзади, но чуть не потопил плот своими неловкими движениями. Его подруга рассмеялась.

– В чьей-то голове эхо не заканчивается никогда. – Уля тоже не удержалась от шутки.

– Это не эхо, это твое имя в голове кружится, чтобы не забыть и не спутать с другим. – Несмотря на кажущуюся простоватость и внешнюю мужиковатость, Замес не лез за словом в карман.

Уля сморщила носик, но продолжать пикировку не стала.

Шепот сумел точно подогнать плот к самодельному пирсу, сделанному из нескольких кривых бревнышек и толстого колышка, на котором остались следы от веревки. Чирок соскочил в воду и развернул плот, чтобы взяться за веревку. Подтянул его к берегу, пока борт не начал грести дно, затем намотал веревку на колышек.

– Приехали, – сообщил он. – Следующая остановка – ночной привал.

Глава 5

Славка, помня указание Максима, смело выбрал направление, чтобы солнце всегда оставалось справа. Первоначальная ирония товарищей, которым он объявил, что идет к автомобильной дороге, развеялась, когда они вышли к ней. Это была не особо широкая, но асфальтированная в прошлом трасса. От покрытия уже мало что осталось. Растения, тянувшиеся к солнцу, вздыбли и разломали асфальт. В настоящий момент по дороге ездить было нельзя, только передвигаться пешком.

– А как ты догадался, что здесь будет дорога? – В голосе Жоры слышалось восхищение. – Голоса?

– Не твое дело, – огрызнулся Славка, не желая распространяться на эту тему, зная, что товарищи начнут сомневаться в его здравомыслии, если рассказать им о ночном разговоре. – Карту видел в лагере у трюсов. Запомнил.

Жора почувствовал настроение бригадира и не стал больше доставать его вопросами. Морда забрался на дорогу и неуверенно покрутился на месте.

– И куда теперь? – спросил он.

Славка встал рядом. Выбрал направление, в котором было солнце, и уверенно показал в нужную сторону.

– Туда. Давай, Васька, твоя очередь в дозор.

– Но я же был недавно, – удивился напарник.

– Это тебе вне очереди за нарушение дисциплины. В следующий раз будешь думать головой, прежде чем уходить в одиночку.

– Не ушел бы, не нашел ружье. – Васька потряс ржавой железкой.

– Дай сюда и иди. – Славка отобрал у напарника оружие.

– Ну, ты вообще... раскомандовался, как трус. – Васька запыхтел, как уставший бык, но приказ выполнил, ушел в дозор на сто метров вперед.

– Зачем так строго? – укоризненно произнес Жора. – Мы же почти друзья.

– Ради вашего же блага, – ответил Славка. – Друзьями будем, когда окажемся в безопасном месте, а сейчас надо уметь думать и подчиняться.

Жора цыкнул возмущенно, но спорить не стал. Славка нашел на обочине плоский камень и принялся счищать им с поверхности ружья ржавчину. Его заняла идея вернуть оружие в рабочее состояние. В его представлении, сформированном на мнении, что огнестрельное оружие – это право необращенных, владение им ставило его на один уровень с ними. Трюсы иногда называли оружие «длинной рукой возмездия», намекая, что дистанция, с которой они опасны, намного больше той, с которой опасны обращенные.

Он обточил от ржавчины стволы, железо вокруг курков и спусковой скобы, насколько позволял это сделать большой камень. Затем нашел камешек поменьше и уже им принялся зачищать труднодоступные места ружья. Серая сталь, испещренная царапинами, оставленными камнем, проступила из-под рыжего налета. Славка потерял ружье рукавом. Теперь оно больше походило на настоящее оружие, но все еще было неработоспособным. Курки не хотели подниматься, будто механизм, спрятанный внутри, заржавел или закис. Наудачу, им попалась смердящая туша недоеденного зайца.

Славка без всякой брезгливости вывернул шкуру, облепленную мухами, и помазал выступившими на обратной стороне капельками жира курки, рычажок, переламывающий стволы. Часть заячьего жира попала внутрь ружья. Запашок от него теперь был не очень приятным. Славка подвигал рычажком, и через несколько попыток ружье со скрипом переломилось. Он натер смердящим жиром все, до чего смог дотянуться. Выбросил шкуру подальше от дороги и принялся с удвоенным усердием разрабатывать остальные механизмы ружья.

Ему удалось извлечь из стволов два патрона. Один из них оказался стреляным, второй целым. Славка посмотрел в стволы оружия на просвет. Внутреннее состояние стволов было намного лучше внешнего. Он отломил веточку от дерева, заточил кончик и уже им принялся доделывать работу в самых заковыристых местах.

– Ты своим шурушанием всю округу раздражил. – Жора кивнул в сторону застывшей фигуры Васьки, возле которого замер здоровенный лось.

Самец оказался там явно неспроста. Вряд ли он стал бы перерезать путь человеку, не будь в этом острой необходимости. Где-то рядом могла находиться его семья. Ваське в этой сложной ситуации было не позавидовать. Дозорный попятился, чтобы укрыться в густых зарослях, разросшихся на обочине дороги. Дикий зверь воспринял его маневр как призыв к действию. Склонил голову и бросился прямо на человека, сминая и ломая без всякого усилия молодые деревца.

Васька заорал благим матом. Команда не стовариваясь кинулась вперед. Лось, добравшись до напарника, пытался ударить его рогами, которые еще не успели разрастись как следует. Славка поднял ружье и нажал спусковую скобу. Курок вяло шелкнул по затыльнику ствола без всякого результата. Он взвел курок снова, поплевал на него и снова нажал на спусковую скобу. Грохнул оглушительный выстрел. В ушах у Славки засвистело, а реальность вдруг как-то изменилась, став похожей на состояние сразу после неожиданного просыпания.

Ребята на ходу обернулись, но не остановились. Выстрел напугал лося. Животное огромными прыжками бежало к лесу. Славка, перепачканный в земле и зелени, смотрел на подбежавших товарищей отстраненным взглядом. Он бессознательно тер лицо руками через каждые несколько секунд. Налицо был шок.

– Ты живой? – спросил у него Жора и попытался задрать ему рубаху, чтобы оценить повреждения.

Славка не дал ему этого сделать, хватался за руки и что-то мычал. Пятак легонько хлопнул его по щеке ладонью. Товарищ отреагировал не сразу, видимо, нервные импульсы с трудом пробивались через напуганное сознание. Он приложил ладонь к покрасневшей щеке и посмотрел на Пятака.

– Чего ты? – отозвался он контуженно.

– Где у тебя болит? – живо поинтересовался Жора.

– Нигде. А что это бахнуло?

– Ружье. – Славка переломил ствол и вынул из него дымящуюся гильзу. – Работает.

Ребята задрали Ваське рубаху и осмотрели повреждения, оставленные диким зверем. На спине и ребрах темнели синяки с кровоподтеками.

– Подыши, – попросил Славка.

Васька сделал несколько глубоких вдохов.

– Больно?

– Нет. Ребра целы. Спину больно под лопаткой. Саданул как следует. – Он повел рукой и застонал. – Вот тварь какая здоровая. Как я просмотрел его сразу?

– На то он и дикий, чтобы уметь прятаться. – Славка помог товарищу встать на ноги.

Васька кривился от боли и никак не мог разогнуться в полный рост.

– Где болит? – Славке стало неудобно за то, что его воспитание обернулось для товарища такой травмой. – Идти можешь?

– Сейчас, один момент, еще сам не пойму. – Васька медленно выпрямился и сделал короткие повороты корпусом, как на зарядке. – Только спина болит, остальное норм. Идти смогу, но не в дозоре.

– Само собой, – поспешил уверить его Славка, маясь чувством вины. – Я сам пойду. Теперь у меня есть ружье, так что застать врасплох лосям больше не получится. И спасибо тебе за то, что добыл оружие, как оно быстро нам пригодилось.

– Пожалуйста, – отмахнулся Васька. Ему сейчас было совсем не до комплиментов. – Теперь вся округа слышала выстрел.

Славка оставил отряд и ушел на сотню шагов вперед. Остановился возле ржавого и проросшего насквозь кленовой порослью кузова автомобиля. Капот его был открыт, двигатель там отсутствовал, как почти у всех машин. Славку всегда интересовали артефакты прошлого, хранившие в себе очарование другого мира, овеванные тайнами и секретами непостижимых технологий. Он просунул руку в окошко с пассажирской стороны и открыл бардачок. Не стоило надеяться, что машину за многие годы никто не проверил. Он оказался прав, в бардачке было пусто. Уставший пластик крышки надломился и повис, как сломанная челюсть. Славка разочарованно вздохнул.

Команда ждала, когда он подаст знак, что можно начинать движение. Славка махнул рукой и пошел вперед. Мысленно он перенес себя на двадцать с лишним лет назад и представил, как по дороге, по которой шел, проносились разноцветные блестящие автомобили. Люди, сидевшие в них, казались ему очень счастливыми. У них не было нужды прятаться от черного спектра, они еще не разделились на два непримиримых лагеря, убийство себе подобных в их мировоззрении считалось чем-то из ряда вон выходящим, морально неоправданным ни с какой точки зрения. Как быстро все поменялось.

Славка представил себя живущим в то время. У него были бы родители, братья и сестры, дом и машина, телефон и телевизор. Все, что от него требовалось, это учеба. Какая ерунда, просто учиться, открыть книгу и запоминать, что в ней написано. Конечно, о прошлом он знал только из разговоров старых трусов и мог понимать их превратно, по-своему. Еще он читал книги, что позволяло ему вкупе с воспоминаниями людей, живших до катастрофы, создать более-менее правдоподобную картину настоящей реальности. Она была очень легкой по сегоднешним меркам, налаженной правилами и законами, соблюдение их гарантировало человеку нормальную жизнь. Славке хотелось хотя бы на один день очутиться в том мире, чтобы на всю оставшуюся жизнь сохранить в душе воспоминания о нем, как лучшее средство борьбы с суровой действительностью.

Он вынул из сумки старые патроны и начал счищать окислившуюся латунь до блеска. Хорошо, что гильзы оказались пластиковыми. Вероятность их пригодности намного выше, чем бумажных, впитывающих и раскисающих от влаги. Он заметил, что пыжи на гильзах были залиты воском или парафином, защищающим от влаги. Это добавляло уверенности. Очищенный патрон плотно вошел в ствол ружья. Славка сомкнул оружие, потом разомкнул. Механизм экстракции стреляных гильз работал нормально, вытащил патрон на пару сантиметров из ствола. Славка снова затолкал его внутрь и сомкнул стволы. Оружие дарило ему неведомое до сих пор ощущение силы и превосходства.

Славка вынул следующий окислившийся патрон и стал увлеченно начищать его, представляя себя в мыслях опасным человеком, но вершащим справедливость при помощи ружья. Наверное, из-за этой увлеченности он проморгал неожиданно вспорхнувшую стаю птиц в трехстах метрах впереди. Он замер, только когда подало сигнал подсознание, сумевшее выделить из всего шумового фона нехарактерный звук – скрип плохо смазанной колесной ступицы. Славка мгновенно упал на живот и заполз в кусты, надеясь, что его товарищи вовремя заметили его исчезновение.

Сквозь поросль удалось разглядеть отряд не менее чем из десяти человек. У трех в руках точно было огнестрельное оружие, у двух луки, что у остальных, рассмотреть не удалось. Отряд шел вокруг повозки, над которой возвышалась всенаправленная антенна гасящая излучение черного спектра. Повозку тянул осел, на нем были навьючены две больших сумки.

Славка заметался в кустах. Времени на принятие решения не осталось. До лесной опушки надо бежать не меньше сотни метров по почти открытому пространству. Он сполз с дороги на обочину, поросшую вьющейся травой, и замер в кустах молодого клена. С дороги его могли и не заметить. Очень хотелось верить, что его товарищи сейчас сделали то же самое. Славка выставил ружье в сторону дороги. Сдаваться он не хотел. Смерть в его представлении была намного лучшим выбором, чем пытки и ослепление.

Скрипучее колесо неотвратно приближалось, вызывая едва сдерживаемое желание пуститься наутек. Пот тек по телу, как во время напряженной физической работы. Ладони тряслись, коленки ходили ходуном. И вдруг Славка снова почувствовал связь с голосом Максима.

– Не дергайся, я попробую отвести им взгляд, – сообщил он.

Как это можно сделать, Славка не понимал, но верил, что возможно. Ему стало чуть спокойнее. Когда голоса приблизились настолько, что стало слышно, о чем они говорят, что-то произошло. Пространство вокруг Славки будто смазлось и потекло, как при головокружении во время отравления, даже стало так же тошнотворно нехорошо. Он закрыл глаза и сразу успокоился. С закрытыми глазами зыбкость пространства не ощущалась. Голоса удалялись вместе со скрипучим колесом.

– Наши стреляли, я этот звук выстрела хорошо знаю.

Это была часть разговора, которую Славка услышал и решил, что касалась она того самого выстрела, отогнавшего лося от Васьки. Огнестрельным оружием требовалось пользоваться осмотрительнее. Когда голоса достаточно удалились, он выполз на дорогу и посмотрел вслед уходящему отряду. Теперь стоило переживать за товарищей. Но когда он увидел, что движение отряда сопровождается искажающее пространство, похожее на искривление картинки через бутылку, наполненную водой, к нему пришла уверенность, что ребята в безопасности. Только бы никто из них не дрогнул и не побежал.

Ему захотелось выразить свое восхищение способностями Максима, но он больше не слышал его голос. А может, тот просто сейчас не общался с ним, занимаясь наваждением внезапно появившегося на дороге отряда трюсов. Славка пролежал в кустах, пока отряд не исчез из поля зрения, а звуки скрипящего колеса не затихли. Убедившись в безопасности, он поднялся на ноги и медленно направился в сторону, где осталась команда. Он прошел бы мимо, если бы не знакомый свист.

– Мы здесь, – услышал он позади себя голос Жоры.

Ребята сидели в кустах, и все еще выглядели напуганными. Васька, переживший за короткий промежуток времени два тяжелых случая, выглядел на грани нервного срыва.

– А что это было? – Морда поднялся из кустов. – Как... как в воде. Это что, новые зонтики так работают?

– Наверное. – Славка подошел к ребятам. – Вы как? Я проморгал их немного.

– Хорошо, что без собак, иначе хана. – Пятак покачал головой. – Дорога не самая удачная идея, чтобы идти. Может, лесом пойдем?

– Я подумаю, – ответил Славка неопределенно.

Он присел рядом с Васькой, взгляд ничего не выражающих расширенных глаз которого замер в одной точке.

– Отомри. – Он щелкнул пальцами перед его носом.

Васька медленно перевел взгляд на командира.

– Ушли? – спросил он, еле двигая губами.

– Ушли. Все нормально. Мы снова в безопасности. Приходи в себя уже.

– Мы уже решили, что нам конец. – Жора тоже присел рядом. – Как они нас не увидели, непонятно.

– Не увидели, потому что им не позволили, – пояснил Славка.

– Кто не позволил? – Жора ничего не понял.

– Тот, кто покровительствует нам. Он насрал на них какую-то штуку, типа наваждения, поэтому они нас и не увидели. Звучит, конечно, сказочно, но вы сами видели это облако вокруг них.

– Я видел, – подтвердил Морда. – Они были как в жарком мареве, нечеткие такие, вот-вот исчезнут.

– Это тебе голос сказал? – напрямую спросил Жора у Славки, вызвав неподдельный интерес Морды.

– Какой голос? – переспросил он.

– Такой. Я испугался, а он сказал мне, что отведет взгляд этим людям. Так и получилось, – признался Славка нехотя, укоризненно глядя на слишком любопытного товарища. – Сейчас я ничего не слышу.

– Я тоже слышал голос, – медленно произнес Васька. – Он сказал мне, чтобы я успокоился, иначе всем будет плохо.

– Ты серьезно? – удивился командир, обрадовавшись окончанию своей уникальности.

Товарищ медленно кивнул.

– Ну всё, теперь знайте, что есть некий Максим, который работает на черный спектр, и он пытается помочь нам добраться до тех мест, где мы будем в безопасности. Единственная проблема: я слышу его только в моменты психического напряжения, да и Васька, как видно, тоже. – Славка выговорился, ощутив на душе неопишуемую легкость. – Не хотел, чтобы вы считали меня свихнувшимся.

– Ага, теперь мы будем считать, что вы оба съехали с катушек, – пошутил Морда.

– Ха-ха, смешно, – огрызнулся Славка. – Я слышал, как они сказали, что выстрел, который сделал я, мог принадлежать кому-то из их компании. А это значит, что рядом могут быть другие трюсы.

– Идемте в лес, там спокойнее, – предложил Жора и уставился на Славку чуть ли не с вызовом.

– Идемте. Только будем идти краем леса, чтобы не потерять дорогу, – согласился командир с небольшим условием.

– А на что она тебе? – спросил Пятак.

– До вечера мы дойдем как раз до какого-то города, где можно спокойно переночевать, – поделился Славка информацией.

– Опять голос свыше сказал тебе это? – несколько иронично спросил Жора.

– Опять, а будешь подкалывать, выбью зубы, чтобы не скалился. – Славка метнул на товарища выразительный взгляд.

Жора промолчал, почувствовав реальность угрозы. Отношения в лагере были суровыми даже среди обращенных. Субординация и дисциплина почитались прежде всего и наказывались простым физическим насилием, как самым лучшим способом быстро решить проблему. Поэтому действия командира не казались им чем-то неоправданно жестоким. Раз он мог угрожать, значит, чувствовал себя сильным и достойным руководящей должности в их маленьком коллективе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.